

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
«ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»
КОМИССИЯ ПО СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ
ПРОБЛЕМАМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ

А.И. НЕКЛЕССА

ТРАНСМУТАЦИЯ ИСТОРИИ

**МОСКВА
2004**

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ

Авторская серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.9 (лето 2004 г.).

А.И. Неклесса. Трансмутация истории / Научный Совет РАН «История мировой культуры». – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2004.

PERSONALIA

Александр Иванович Неклесса. Заместитель директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН (ИНЭС). Заведующий Лабораторией геоэкономического анализа и проблем социального развития ИАФРАН. Руководитель межотраслевого центра «Геоэкономика». Член Экспертного Совета по проблемам инновационной политики и развития человеческого потенциала при Совете Федерации ФС РФ.

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА», работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим в Службе стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, советником агентства «СОКРАТ».

Автор примерно 300 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Более 25 лет проработал в системе Российской Академии наук. Член Бюро Научного совета РАН «История мировой культуры», председатель комиссии по социокультурным проблемам глобализации. Действительный член Философско-Экономического Ученого Собрания МГУ им. М.В. Ломоносова.

Основные направления исследований: 23.00.04 – политические проблемы международных отношений и тенденции глобального развития; геоэкономика; стратегический анализ и планирование; философия истории.

электронный адрес: neklessa@mail.ru

Выпускающий редактор *Т.И. Рудакова*
Компьютерная верстка *Н.Н. Никольский*
Компьютерный набор *С.И. Иванова*

© 2004, А.И. Неклесса

КОНЕЦ ЦИВИЛИЗАЦИИ ИЛИ ЗИГЗАГ ИСТОРИИ?

*The End of Civilization or The Clash of History? **

Председатель. Уважаемые гости, дорогие коллеги, студенты. Мы рады видеть вас. Сегодня в рамках «Открытого университета» мы проводим седьмую лекцию. Перед нами выступит Александр Иванович Неклесса, заместитель директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук Российской академии наук, заведующий лабораторией геоэкономического анализа и проблем социального развития ИАФРАН, член Экспертного совета по внешней политике при Комитете по международным делам Государственной Думы и Экспертного совета по проблемам инновационной политики и развития человеческого потенциала при Совете Федерации. Александр Иванович – автор более двухсот научных публикаций, и некоторые из его работ вывешены у нас на сайте. Вы можете с ними ознакомиться. Разрешите мне назвать тему сегодняшней лекции – «Конец цивилизации или Зигзаг истории?».

Уважаемая госпожа председатель, уважаемые коллеги, господа студенты, я благодарен за приглашение выступить в этой аудитории. Правда, сейчас я пребываю в некоторой растерянности по поводу формата, в котором следует провести нашу сегодняшнюю встречу.

Мое выступление заявлено как лекция. А лекция, если посмотреть на этимологию данного понятия, – это чтение, то есть лекция – то, что читается. Лекция есть некоторый нормативный, фиксированный материал, не случайно в этом слове слышатся обертоны понятия *lex* – иначе говоря: закона, нормы. Но сейчас в области фиксированного гуманитарного знания происходят значительные перемены. В наш век мир заполнен невообразимым количеством печатных текстов социогуманитарной направленности, их учет и осмысление во всей полноте становится физически невозможным, даже когда речь идет о неординарных работах. В результате социогуманитарное знание приобретает текучий, дискретный, динамичный характер. Утрачивая целостность и привитую ему под влиянием идей Просвещения квазисциентистскую оболочку, оно все более тяготеет к дисциплинарному рассуждению, практической аппликации, персоналистичному дискурсу.

Сегодня мне, наверное, нет особой нужды читать лекцию в виде детализированного, последовательно выстроенного текста и по другой причине: я надеюсь, что вам роздали в отпечатанном виде «либретто» – материалы к лекции, либо вы ознакомились на сайте «Открытого университета» – хотя бы отчасти: выборочно и вскользь – с двенадцатью работами, которые соответствуют теме разговора, акцентируя, развивая и уточняя его отдельные положения.

* Лекция была прочитана в «Открытом университете» г. Чебоксары 11 октября 2003 г. в рамках программы «Культурная столица» Приволжского федерального округа.

Нашу встречу, как мне представляется, было бы плодотворнее выстроить в виде, если не прямого, то своего рода косвенного диалога. Иными словами, я предполагаю поступить как безумный лопман, который, прочертив сначала в картах *mare incognita* Нового мира некую формальную маршрутную линию, затем – ориентируясь по некоторой интуитивной обратной связи с аудиторией – достаточно произвольно прокладывает реальный путь продвижения к цели, на ходу меняя его направление, стремясь охватить некоторое вверенное ему на час когнитивное пространство. Исполнив тем самым подспудное коллективное волеизъявление по поводу оптимального результата интеллектуального путешествия – контакта с новизной.

Название сегодняшнего разговора родилось из контаминации двух популярных в 90-е годы понятий – «*The End of History*» и «*The Clash of Civilizations*», которые я не без тайного умысла волюнтаристским образом объединил в одну лингвистическую химеру. Разговор у нас действительно пойдет о цивилизации, о культуре, культурном круге, об истории и социальности. Быть может, – о городской культуре. Наверняка, – о современном и постсовременном мироустройстве, о трансформации системы международных отношений, о новых принципах и реалиях социального управления. Тематика, как видите, необъятная, ее предметное поле весьма широко, здесь можно обнаружит сразу несколько дисциплинарных рамок.

Каким же мне видится идеальный маршрут сегодняшнего действа? Вначале хотелось бы сказать несколько слов по поводу цивилизационной ситуации. Особенно о ее динамике в современном мире, потому что для той формы цивилизации, которая вступает в свои права, у нас нет адекватного определения. Если обратиться к классическому генезису категории цивилизации, то из трудов маркиза Мирабо (середина XVIII века) мы извлечем логичную триаду: *архаика – варварство – цивилизация*. Однако, предположив, что цивилизация переживает сейчас системный кризис и переходит в некоторое новое состояние, мы быстро обнаруживаем острую нужду в адекватных данной неординарной ситуации понятиях, в новом категориальном аппарате: нам требуется обновленный *lexicon* для изменившегося качества социального текста, для нового образа социального бытия. Этих слов у нас нет, и формирующийся статус человечества мы определяем через паллиативные конструкции, используя более-менее привычный реестр понятий: *постиндустриальное* или *информационное общество*, *конец истории*, *новое варварство*, *столкновение цивилизаций*, *глобализация*...

Другое существенное направление, которое хотелось бы обсуждать и развивать в рамках подобной темы – перемены в политическом и юридическом мироустройстве, трансформация властных механизмов на планете. Мы пребываем в транзитной ситуации, когда уже возникли элементы нового, постсовременного мира, но в то же время реалии эпохи Модернити также присутствуют на исторической сцене.

Действительно, система международных отношений и международно-правовых установлений меняется буквально на глазах. Многочисленные изменения происходят в моделях социальной, экономической, политической деятельности, в траекториях проекции власти, радикально меняется весь культурный ландшафт современности, ее смыслообразующий нарратив. Человеческая практика и сопутствующие ей механизмы переходят в какое-то иное системообразующее качество.

Еще одна составляющая перемен – мутация систем, форм и методов управления, генезис новых, конкурирующих между собой организационно-деятельностных структур, для которых у нас опять-таки нет адекватных, устоявшихся определений, поэтому приходится использовать такие «безразмерные» понятия, как, скажем, *новые организованности*. Или очерчивать ситуацию при помощи умножения частиц «*пост-*», «*нео-*», «*анти-*», «*мета-*», «*пара-*», «*квази-*», «*гипер-*», т.е. фиксировать новизну, одновременно практически ничего не говоря о ее внутреннем содержании, о ее сущности. Или также и в этом случае прибегать к экзотичным неологизмам, наподобие *геоэкономического универсума*, *амбициозной корпорации*, *астероидных групп* или *социочервей Муад`диба*.

Наконец, хотелось бы, хотя бы отчасти, затронуть проблему трансформации социального менталитета, возникновения новых социальных популяций и элитных групп. Потому что все те изменения, которые происходят в мире, определяются, в конечном счете, новой организацией индивидуального и общественного сознания. Его модификации продуцируют новую типологию социальной активности, политической и экономической практики и так далее. Но в первую очередь, их результатом является генезис новой культуры и ее деятельных носителей.

Кроме того, может быть, мне удастся – возможно, в ответе на вопросы – кое-что сказать по поводу трансформации самого гуманитарного знания, современной системы образования и появления в мире такого феномена, как интеллектуальные корпорации. Организаторы лекции предложили затронуть эту тему, помимо цивилизационного аспекта происходящих изменений, тем более что происходящие в данной сфере перемены органичным образом связаны с процессами глобальной революции и генезисом постиндустриального «нового класса».

I.

Все многоголосье рассуждений на тему «цивилизация» можно разделить на два русла, два подхода:

- (1) цивилизация понимается как диахронный процесс, как обретение цивилизованности в виде некоторой нормы (городской культуры, римского права, христианского мировоззрения, кодов Модерна, материальной культуры индустриализма), а в сущности – как процесс цивилизации (отглагольное существительное), обретения обществом особого уровня социализации (цивильности, политеса);
- (2) цивилизация прочитывается как локальные (региональные) культурные круги на планете, обладающие выраженной спецификой в трактовке целей бытия и способов существования человека в мире. Соответственно цивилизационные изменения – есть перемена этих культурных констант, выстраивание качественно новых скреп и аксиом бытия.

В характеристике же современной цивилизационной ситуации можно выделить три качественно различные позиции.

Первую позицию озвучил вскоре после событий 11 сентября 2001 года Френсис Фукуяма в статье «*Не началась ли история опять?*». Смысл этой точка зрения сводится к следующему. В мире по большому счету не происходит ничего принципиально нового, имеет место лишь ускорение процесса модернизации. Фукуяма писал: «...несмотря на со-

бытия 11 сентября, Модернити, представленная США и другими развитыми демократиями, осталась доминирующей силой в мировой политике, а институты, олицетворяющие основные западные принципы свободы и равенства, продолжают распространяться по всему миру. Атаки 11 сентября – удар отчаяния против современного мира, который представляется скоростным поездом тем, кто не хочет на него попасть». Иначе говоря, то очевидное возрастание конфликтности, которое мы наблюдаем в последнее время, связано именно с процессом ускорения, а не замедления и тем более не остановки модернизации. Данная позиция по-своему созвучна политической практике ряда влиятельных государств, и, скажем, действия администрации Буша (особенно ее силового блока) можно интерпретировать как попытку силой утвердить определенный цивилизационный стандарт, стандарт Модернити на планете.

Но подобная точка зрения все-таки не удовлетворяет большинство исследователей. И действия администрации Буша в их глазах выглядят совсем не столько как успешная попытка реализации проекта тысячелетней либеральной империи, а, скорее, как агония эпохи Нового времени, уходящей в историческое небытие со всеми своими политическими (представительная демократия, публичная политика, гражданское общество) и экономическими (индустриальная экономика, либеральный рынок) институтами.

Я бы сказал, что на сегодняшний день локомотив Модернити – если уж пользоваться этим образом – лично мне больше напоминает бронепоезд. А был ли действительно период в истории, когда процесс модернизации выступил как стремительный локомотив? Мне кажется, что такой период в истории был, и локомотив Модернити – этот «Западный экспресс» цивилизации – действительно триумфально обогнул планету, но произошло это более века назад.

Шестидесятые-семидесятые годы XIX века были временем, когда Соединенные Штаты Америки, пережив тяготы гражданской войны и отбросив институт рабства чернокожего человека, вступили в период стремительного индустриального развития. Если обратимся к Европе, то увидим, к примеру, трансформацию феодальной Германии – которая и Германией-то до этого, в сущности, не была, а, скорее, калейдоскопом княжеств – переход Германии в новое качество, превращение ее в могучее индустриальное государство, гораздо более соответствовавшее прописям эпохи Модернити. В те же шестидесятые годы мы наблюдаем ускорение процессов модернизации и в России: отвержение крепостного уклада и последующую динамичную модернизацию страны, рост городского населения, социальную революцию («революцию масс»). Наконец, завершая планетарный круг, мы попадаем в Японию, где в те же годы происходит революция Мейдзи. И где также в этот период вступает в свои права эра современного, индустриального развития.

Приблизительно к концу XIX века модернизация планеты, процесс глобального социального строительства в рамках определенной культуры достигает определенного логического предела. Мне представляется, что пик данного процесса приходится, приблизительно, на времена от Берлинской конференции до Первой мировой войны, когда мир был практически и юридически освоен и поделен в рамках зональной его глобализации, руководствуясь принципом «эффективного управления», а демократические институты управления проникли в квазифеодальные, имперские организмы. Планетарный Варваристан был в основном так или иначе инкорпорирован в современную цивилизацию. В сущности, статья или книга с названием «*Конец истории*» вполне могла появиться уже в то время.

Итак, некоторый логический предел был достигнут. Освоение планеты в рамках зональной глобализации – то есть все-таки глобализации, пусть и не в тех формах, которые нам привычны сегодня, – состоялось. Если взять экономическую статистику ведущих стран мира того времени, то увидим, что отношение внешней торговли к валовому внутреннему продукту достигало в начале прошлого века таких пропорций, которые были превышены только совсем недавно. А на протяжении всего XX века события развивались, в целом, по синусоиде. Иначе говоря, некоторый глобальный статус цивилизацией был достигнут, но удержать его, однако же, оказалось сложнее и в те годы не удалось.

Что взорвало сложившуюся ситуацию? Причин тому множество, их половодье во многом связано как раз с феноменальным успехом культуры Модернити, с ее прорывом, прежде всего, в естественнонаучной, технологической и экономической сферах, и с ее провалами в сферах политической и социальной.

Бросается в глаза необычайный инновационный взрыв на рубеже прошлого/позапрошлого веков. Для нас многочисленные реалии, связанные с этим взрывом, настолько привычны и повседневны, что мы не замечаем их уникального качества, атипичности для всей человеческой истории пережитой в те годы ситуации стремительного нарастания творческого и инженерного изобилия. В те годы существенно изменились структуры повседневности, заметно преобразился быт человека: электричество, и особенно – электрическое освещение, разнообразные электроприборы, двигатель внутреннего сгорания и его многочисленные производные: от автомобилей и авиации до тракторов и танков... Появилось обширное семейство совершенно новых технических организмов, сложно устроенных механизмов, «открывающих» и «закрывающих» технологий, создающих вокруг себя новые предметные поля деятельности: нефтепереработка, производство бензина, синтетические продукты, другие новые материалы. Наконец, в мир повседневности проникают и получают широчайшее распространение представители динамичной и обладающей колоссальным цивилизационным эффектом инфраструктуры коммуникаций и развлечений: радио, телефон, звукозапись, кинематограф...

Мы как-то забываем или принимаем как данность, что весь этот поразительный поток инноваций возник на планете за весьма ограниченный период времени, создав при этом такое обилие предметных полей и продуктов, что социальные и политические институты, оказались совершенно не готовыми к подобному проявлению могущества индустриальной цивилизации. И, прежде всего, возникла тривиальная проблема сбыта, и возникла она очень скоро и в весьма острой форме. Современная цивилизация, в частности, ощутила узость зональной глобализации, почувствовав вкус к идеям фритредерства (глобального свободного рынка) и не могла далее существовать как «фрагментированная целостность» имперских зон, что привело к мировым войнам и ряду других драматичных событий.

Но социальная динамика этой «экономистичной ипостасью» надвигавшейся на мир глобальной революции не ограничивается. Арнольд Тойнби, долгое время занимавшийся постижением смысла и содержания истории, изучая ее именно с точки зрения цивилизационной динамики, попытался определить не только причины и параметры эпохальных перемен, но и хронологическую границу, когда кардинально изменился мир Модернити, мир Нового времени. И возникли симптомы его нового качества, которое мы сегодня называем признаками социального Постмодерна. Или, хотя по-русски это звучит несколько коряво, *мира постсовременности*. Тойнби сначала почертил эту границу достаточно традиционно,

датировав исторический перелом временем Мировой войны (он сделал это в конце тридцатых годов, когда *та* мировая война еще не называлась *Первой*). Но потом все-таки отодвинул хронологический рубеж к тем же семидесятым годам XIX века, о которых уже шла речь. Почему он так поступил? Два принципиальных соображения по этому поводу выдвинуты в его текстах.

Обосновывая свою точку зрения, британский историк писал, что к началу XX века *«индустриальная система стала резко наращивать свою активность, так что размах ее деятельности обрел глобальный характер, тогда как система национализма стала проникать вглубь, в сознание национальных меньшинств, побуждая их к созданию своих собственных суверенных национальных государств, хотя те вопреки проектам их лидеров порой не только не были способны оформиться в великие державы, но и были не в состоянии образовать даже малые экономически, политически и культурно независимые государства»*. Иначе говоря, индустриальная мощь достигла таких пропорций, что взорвала структуру национальных государств, выстраивая транснациональные композиции, создавая новые экономические, социальные и политические организации. Прежний мир, скрепленный обручем вестфальской системы мироустройства, – мир суверенных национальных государств – дрогнул и стал расплываться.

Второе соображение поражает своей провидческой силой. Мир, представший перед внутренним взором Арнольда Тойнби, напомнил ему мир Средневековья. Но имел он в виду вовсе не те алармистские коды «нового средневековья», которые сейчас связывают с призраком надвигающегося на цивилизацию «нового варварства». Важно другое – в новой реальности человек, как и во времена исторического Средневековья, постепенно вновь начинает осознавать себя частью *«более широкого универсума»*. (Средневековье – мир, который в современном общественном сознании присутствует в весьма искаженном виде, но это, наверное, уже другая тема.) Арнольд Тойнби имел в виду вселенский характер общества в эпоху Средневековья (особенно раннего Средневековья), то есть внутреннюю установку людей, живших в то время, на то, что они существуют в пространстве *Universum Christianum*: в едином вселенском или, как мы сейчас сказали бы, в транснациональном, глобальном мире.

В Средневековье существовали и другие, локальные, организации. Тойнби, однако, точно определяет их место в социальной структуре общества: во вселенской организации единого христианского мира королевства, епископства, феодальные лены и коммунальные города занимали комплементарные, периферийные позиции. Не они определяли суть мироустройства того времени. И Арнольд Тойнби, в процессах охвативших планету, начиная с конца XIX века, увидел зарождение Нового мира, который склонен возродить вселенский дух прежних времен, перевернув в рукописи истории страницу, связанную с существованием порожденных обществом Модернити суверенных национальных государств.

Поэтому **вторая концептуальная позиция**, присутствующая в современных штудиях на тему судеб цивилизации, связана с понятием социального Постмодерна. Она заключается в том, что на планете происходят серьезные и, прежде всего, качественные изменения. Что процесс модернизации в его фундаментальном смысле – в первоначальном и основном значении этого понятия – зашел в тупик. В мире же набирает силы принципиально иной процесс (социальный Постмодерн), проявляющийся, то как культурно-

цивилизационная полифония, то как нарастание проявлений социокультурной эклектики, культурной дехристианизация и реориентализация планеты, порою даже как более-менее завуалированная ее демодернизация, а в своем экстремальном аспекте – как процесс неорхаизации мира.

Наиболее отчетливо элементы данного подхода проявились, пожалуй, в знаменитой работе Сэмюэля Хантингтона *«Столкновение цивилизаций»*. В развернутой синкретичной картине мира речь идет о разворачивающемся конфликте различных систем ценностей, о планетарном, «горизонтальном» столкновении существующих культурно-исторических типов общества (цивилизаций). Христианская цивилизация, включая ипостась Модернити, всего лишь один из элементов этой глобальной мозаики.

Если же вернуться к последовательному рассмотрению событий начала XX века, то вскоре после первой мировой войны происходят удивительные вещи. Вспомним «бурные двадцатые», когда в результате упомянутого выше инновационного рывка, дополненного механизмом конвейерного способа производства, сформировалась материальная культура «мира дешевых вещей», потенциального материального изобилия, ставшего в дальнейшем основой для конструирования «общества потребления». Однако резкое понижение стоимости производства вещей привело к тому, что человек-производитель стал в значительной мере избыточной величиной. Разразился кризис, драматично описанный в специальной, да и в художественной литературе. Иногда, кстати, ситуацию 90-х годов в России сравнивали с этим кризисом. Но явления эти совершенно разного порядка: ведь кризис, обрушившийся на мир в конце двадцатых годов, был, в сущности, кризисом изобилия. Вещей стало так много, и они стали столь дешевы, что с этим надо было что-то делать.

На этот вопрос – о дальнейших путях развития цивилизации – было предложено два ответа.

Во-первых, мироустройство, выстроенное на основе зональной глобализации (концерта мировых держав-империй, существующего в рамках их культурно-цивилизационной общности), подверглось сильнейшей атаке. Сначала в виде укрепления идей протекционизма, «огораживания национальных и имперских рынков», ставших в условиях новой механики производства особой ценностью. Параллельно возникла, и в ходе Второй мировой войны пробила себе путь, идея фритредерства, на основе которой уже ближе к нашим дням была реализована конструкция Всемирной торговой организации. То есть глобализация – как выстраивание общемирового рынка сбыта – стала одним из вариантов ответа на феномен чрезмерного изобилия. Это был, так сказать, экстенсивный механизм выхода из ситуации, позволявший, в общем и целом, сохранить прежнюю социальную оболочку.

Второй ответ был более сложным. Но прежде, чем перейти к изложению его сути, уясним одну простую истину: в социальном механизме того времени стабильность экономической конструкции определяло вовсе не количество потребителей, нуждающихся в тех или иных товарах, а количество *платежеспособных* потребителей, и данное различие весьма важно. То есть следовало не просто увеличить число потребителей, а повысить число именно платежеспособных потребителей (что привело, в частности, к разработке и реализации действенных социальных программ, повысивших уровень жизни в индустриально развитых странах), и главное – заставить этих платежеспособных потребителей потреблять избыточное количество товаров.

Помимо прочего, это был еще и серьезный идеологический кризис, поскольку Северо-атлантический мир возрастал на дрожжах протестантской этики. Избыточные же товары, потребление избыточного количества вещей, введение таких социальных механизмов, как форсированное потребление, искусственное потребление, престижное потребление, мода – иначе говоря, моральное устаревание товара без его физического устаревания, – требовало серьезных подвижек в сфере социальной ментальности и господствующей в обществе идеологии, т.е. революции сознания, чтобы реализовался проект вселенского общества потребления.

В свою очередь изменение господствующего мировоззрения, замена мировоззренческого каркаса эпохи Модернити вели к ползучей ликвидации таких политических конструкций как гражданское общество и тесно связанных с ним институтов публичной политики и представительной демократии. То есть происходящее было не только экономической и идеологической, но и политической революции – знаменующей собою глобальную трансформацию общества.

Суммарный эффект двух обозначенных выше проектов (*глобализации* и *постмодернизации* мира) позволял решить эту и ряд других, остающихся вне рамок сегодняшнего разговора проблем. Но за все это пришлось заплатить большую цену.

Цена заключалась в следующем. В мире Модернити, в оболочке Нового времени, протекал процесс культурной и социальной гомогенизации мира. Те процессы, которые мы знаем во многом с негативной стороны – например, колонизация, – вовсе не были такими уж однозначными. В рамках современной (христианской) цивилизации на планете протекал процесс освоения окружающего мира, его евангелизации, культуртрегерства, наполненного мерой определенной социальной ответственности. В XX веке в русле обозначившихся процессов постмодернизации, т.е. декомпозиции прежней цивилизационной конструкции, ломается прежняя, «горизонтальная», киплинговско-сталинская ось «Запад–Восток», заменяясь новым глобальным, но уже «вертикальным» социоконструктом «Север–Юг». Эта формула означала пришествие эры гетерогенной иерархии и несла в себе образ уже не стремящегося к той или иной форме гомогенности, но расколотого, элитарного мира. Данные ООН подтверждают этот прогноз: социальное разделение мира нарастает, а не снижается. Конечно, определенное развитие происходит и в странах Юга (правда не во всех), но, в целом, эти две социальные галактики движутся, относительно друг друга, в разные стороны.

Наконец, *третья точка зрения* на актуальную цивилизационную ситуацию связана с тем, что возникающая социокультурная феноменология и система ценностей не сводимы к какой-либо одной, исторически реализованной и хорошо известной цивилизации, культурно-историческому типу или идеологической системе. В драматичных событиях последнего времени проступает контур какой-то иной, по-своему целостной, хотя и не слишком внятной культурной и социальной семантики. То есть, не исключено, что, находясь на самой кромке ветшающей исторической конструкции, мы присутствуем при зарождении фундаментальной цивилизационной альтернативы, со своими законами и логикой социальных институтов.

Но в таком случае происходящие события есть не что иное как «вертикальное», диахронное столкновение цивилизаций, коллизия мира Модернити не с теми культурами, которые хорошо известны и существуют на планете в проявленном виде, но с собственной

тенью, с призраком цивилизации, нависающей из будущего. Иначе говоря, цивилизация Модернити, которая пока еще доминирует на планете, встретила угрозу не со стороны исламской, конфуцианской или, скажем, индуистской цивилизации, она почувствовала прорастание сквозь собственную плоть новой, постмодернистской культуры. Истощение времени, «стоянка истории» и возрождение топоса – духа бескрайних просторов, пробуждает в мире Новых пространств энергии переселения народов, в ходе которого *«подземные слои человечества сдвинулись и поползли»*.

Этот исторический барьер, который преодолевает человечество, является сюрреалистической головоломкой как для экономистов, так и для политологов, культурологов, вообще для людей, пытающихся разобраться в сути происходящего, исходя из привычных канонов. Трагические события 11 сентября 2001 года сыграли, пожалуй, одну полезную роль – они заставили практических политиков задуматься над проблемой присутствия в мире анонимных, но влиятельных сил – новых агентов действия – Гога и Магога постсовременности. Задуматься над изменившейся топологией социального космоса, сливающегося с собственной изнанкой и приобретающего, таким образом, черты бесконечной ленты Мёбиуса.

II.

Актуальный аспект происходящих перемен – трансформация сложившейся номенклатуры международных отношений. Чтобы не быть голословным перечислю некоторые значимые процессы происходящей мутации мирового контекста:

- перераспределение властных полномочий с национального на транснациональный уровень;
- появление новых субъектов власти, таких как глобальная держава, международные регулирующие органы, неформальные центры влияния чрезвычайно высокого уровня компетенции;
- кризис культурно-идеологических и практических основ национальной государственности (основного политического инструмента эпохи Модернити), кризис национальной государственности как дееспособной формы социальной организации в ряде стран Юга;
- феномен страны-системы;
- деформализация власти, снижение роли публичной политики и представительных органов, тенденция к расширению зоны компетенции неформальных процедур принятия решений, заключения устных, консенсусных «договоренностей» вместо полноценных договоров;
- наметившиеся горизонты «судейской власти»;
- транснационализация элит и появление новой социальной общности – мирового Севера при параллельной глобализации альтернативного пространства мирового Юга (включая «варваризацию Севера»);
- слияние политических и экономических функций в современном мире, формирование на данном базисе системы стратегических взаимодействий и основ глобального управления
- пространственная локализация (географическая и трансгеографическая) различных видов хозяйственной деятельности, появление новой формы мирового разделения тру-

да, перераспределение мирового дохода и взимание «глобальной ренты», выстраивание геоэкономического универсума;

- развитие транснациональных (корпоративных) сетей сотрудничества и сетевой культуры в целом.

Если подвести предварительный итог многочисленным изменениям, то можно, пожалуй, утверждать, что в мире выстраивается динамичная и в то же время иерархичная система международных связей, а то, что понималось под международными отношениями еще лет десять назад, в настоящий момент фактически не существует. Как все это происходило? После взгляда на «тугие узлы» экономической истории XX века попробуем обратиться к непростым ситуациям его политической судьбы.

Итак, мироустройство, возводимое в русле зональной глобализации, оказалось уязвимым. На планете стал формироваться абрис иного социального организма глобальных пропорций. Было выдвинуто несколько его версий, у которых, однако, наблюдался определенный инвариант – идея создания некой целостной конструкции, альтернативной полифоничной системе национальных государств.

Первой в XX веке из числа реализованных версий стал коммунистический проект. Читая документы того времени, порою поражаешься их сходством с современными текстами, посвященными глобализации (чего стоит, к примеру, присутствию выражения *«новый общественный порядок»*), транснационализации и прочим аналогичным процессам. Так, в манифесте III Интернационала мы читаем: *«...национальное государство, дав мощный импульс капиталистическому развитию, стало слишком тесным для развития производительных сил»*. И делается вывод: *«Перед нами, коммунистами, стоит задача облегчить и ускорить победу Коммунистической революции во всем мире»*.

Энергичные попытки выстроить свою версию нового мирового порядка, *«разбить скорлупу буржуазного общества»* были предприняты также Италией и Германией (а вместе с ними – полудюжиной других европейских государств). Проект, однако, выходил за первоначальные планы корпоративной модели государственности и предполагал некую версию мирового *Ordnung*'а.

Однако гораздо более успешным оказался проект, связанный с именем президента-провидца Вудро Вильсона, заявившего вскоре после окончания Первой мировой войны: *«Нынешний век... является веком, отвергающим стандарты национального эгоизма, ранее правившего сообществами наций, и требует, чтобы они дали дорогу новому порядку вещей...»*. (Не случайно на самой крупной американской банкноте в сто тысяч долларов изображен портрет именно этого президента.) Вильсон, фактически, инициировал процесс создания механизма первого международного регулирующего органа, который стал центральным субъектом истории международных отношений в XX веке. Я имею в виду Лигу Наций.

Следующей ступенью данного процесса стало создание после Второй мировой войны Организация Объединенных Наций и сопутствующей ей сети международных организаций. При этом ООН содержала в себе очень интересный компонент, политический смысл которого перекрывал, пожалуй, значимость самой организации. Я имею в виду Совет Безопасности – директивный и элитарный орган. Совет Безопасности обрел совершенно новые функции с точки зрения международного права, получив, в частности, возмож-

ность на законных основаниях в определенных ситуациях вмешиваться в дела других государств, в том числе путем активного применения силы.

Что здесь важно? Идеология международных отношений Нового времени строилась на основе формально прочитанного эгалитаризма. Конечно, реального равноправия в международных отношениях нет, не было и не будет. Но принципиальная установка на одинаковую правосубъектность была своего рода преодолением предшествующих, имперских кодов мироустройства. Она основывалась на достаточно серьезной идеологической платформе, связанной со всем категориальным аппаратом Модернити. Возникновение феномена мирового регулирующего органа возрождало имперское, иерархичное мироустройство.

Следующая стадия мутации международных отношений была достигнута в 1975 году, когда появился на свет такой влиятельный международный орган, как «Большая восьмерка (на тот момент – «шестерка»)). Здесь уже решения принимались не вполне публичным образом, на основании не вполне формализованных процедур, чаще всего методом консенсуса, достигаемого в ходе закулисных переговоров, которые в ряде случаев носили закрытый характер. Это была какая-то новая форма организации миропорядка, новая формула строительства международных отношений. Мне вспоминается в этой связи работа Збигнева Бжезинского *«Между двух веков»*, написанная в конце шестидесятых годов (отдельным изданием она вышла в начале семидесятых). Известный политолог выдвигал в ней три принципа нового мироустройства.

Во-первых, регулирование основных мировых процессов посредством некоего организма, представляющего собой не ту или иную форму всемирного парламента типа Организации Объединенных Наций, а, скорее, клуб ведущих государств мира. *«Движение к большому сообществу... не может быть достигнуто путем слияния существующих государств в одно большое целое...», – писал Збигнев Бжезинский. – И хотя намерение сформировать сообщество развитых стран менее претенциозно, нежели стремление к мировому правительству, зато оно более осуществимо*. Второй столп будущего мироустройства, Бжезинский связал с созданием глобальной налоговой и (что подразумевается) эмиссионной систем, но об этом мы поговорим чуть позже. Наконец, третий принцип – неизбежный и драматичный элитаризм Нового мира, где происходит *«постепенное формирование все более контролируемого и направляемого общества, в котором будет господствовать элита... Освобожденная от сдерживающего влияния традиционных либеральных ценностей, эта элита не будет колебаться при достижении своих политических целей, применяя новейшие достижения современных технологий для воздействия на поведение общества и удержания его под строгим надзором и контролем»*.

В мире XX века мутация суверенного национального государства, как представляется, происходила по трем направлениям. Первый вектор, наполнение которого мы только что рассмотрели, связан с феноменом *международных регулирующих органов* (МРО). Другая линия – сопряжена с понятием *страны-системы*, третья – с процессами *субсидиарности*.

В современном мироустройстве все чаще возникает такое понятие, как страна-система или государство-регион. Наиболее яркий пример данного феномена, конечно же, Соединенные Штаты Америки. США с какого-то момента явно не вписываются в рамки категории национального государства, по крайней мере, так, как мы понимаем ее на поли-

тическом языке культуры Нового времени. Границами Соединенных Штатов, их фактическими, а не номинальными границами, которые они охраняют всей мощью своих вооруженных сил, являются не административно-политический контур государства, а «зоны национальных интересов», которые постепенно охватывают всю планету.

Таким образом, мы получаем некую новую ипостась мирового регулирующего органа – глобального субъекта, страну-империю. Она тесно сопрягается с форматом МРО (и с ее персонажами: той же «Большой семеркой/восьмеркой» или ООН/Советом Безопасности), все более, однако, стесняя их деятельность, перенимая ряд соответствующих функций. Причем, на сегодняшний день одна из основных международных политических коллизий: противоборство двух актуальных формул глобализации – условно говоря, «по Клинтону» и «по Бушу».

Но феномен «новой Америки» не исчерпывает содержание данного кластера, нам известны и другие форматы феномена страны-системы (государства-региона). Например, Шенген, являющийся даже более характерным представителем данного семейства, не претендуя на роль глобального регулирующего органа. Сейчас, получая визу в европейскую страну, входящую в шенгенскую зону, вы читаете на ней (хотя и на разных языках) надпись «Государства Шенгена», а не название того или иного национального государства.

Еще одним примером страны-системы является Китай, или, точнее, Большой Китай, который включает КНР, который присоединил Гонконг, поглотил Макао, настойчиво приглядывается к Тайваню... Пытаясь оценить мощь Китая, мы вынужденно пользуемся разной социальной метрикой: скажем, включая или исключая данные по Гонконгу, по разному исчисляя количество китайцев в мире и т.п. Культурно-цивилизационный круг данной страны-системы включает в себя целые государства, такие как Сингапур (90% населения которого – китайцы), всю юго-восточную диаспору *хуа-цяо*, наконец, чайна-тауны, разбросанные по всему миру... Китайский мир – это инновационное социальное образование, новая пропись страны-системы, которая выходит не только за рамки национального государства, но также и за рамки прежнего прочтения государственности.

Есть ли еще на планете какие-либо версии страны-системы? Наиболее близкий нам пример – СНГ. Это тоже своего рода страна-система. Когда, к примеру, вы едите в Белоруссию или Украину, или в Казахстан, то хорошо понимаете, о чем идет речь...

Третий вектор трансформации национальной государственности – феномен субсидиарности, т.е. добровольного или вынужденного делегирования тех или иных государственных полномочий «вниз», на локальный уровень. В мягких формах это выразилось в повышении статуса автономий: Ольстера или Шотландии в Великобритании, Басконии или Каталонии в Испании и т.п.

Более жестким проявлением данной тенденции было появление поросли парагосударств, которые не являются государствами в привычном для Модернити понимании. На территории постсоветского пространства их список не так уж мал, включая в себя в той или иной степени: Приднестровье, Абхазию, Южную Осетию, Аджарию, Карабах, Горный Бадахшан... Данный феномен не является, конечно же, исключительной принадлежностью постсоветского пространства, в него входят такие разные образования, как, например, Республика Северного Кипра или Косово и т.п. Можно также выделить кластер парагосударственных территорий, существующих на планете продолжительное время: скажем, «зона

племен» в Пакистане, ряд аналогичных африканских территорий, например, Южный Судан, квазигосударственные образования (каренов, монов) в районе «золотого треугольника» на Индокитайском полуострове и т.д.

Прохождение постмодернизационного барьера предопределило обновление форм социальной организации, появление нового поколения парapolитических организмов. Здесь, пожалуй, можно выделить *две ветви*, которые различаются достаточно заметным образом. Одна из них связана с процессом экономической транснационализации, который резко усилился еще в конце XIX века с выходом индустриальной мощи государств за пределы национальной территории, что привело к образованию транснациональных корпораций, банков, других аналогичных организованностей, и, наконец, появлению контура *геоэкономического мироустройства*. Другая тенденция связана с формированием в рамках постиндустриального уклада динамичной и паразитической *культуры амбициозных корпораций*, являющихся в настоящее время действенными агентами перемен и обладающих собственным историческим целеполаганием.

Понятие геоэкономики сформировалось приблизительно в середине прошлого века, но активно использоваться оно стало лишь в девяностые годы. Возникло оно не случайно, существует несколько вариантов расшифровки данного термина, но в основном он активно используется, чтобы зафиксировать происходящее слияние политики и экономики в некоторую сложнорасчленимую целостность. Геоэкономические организованности это ведь не чисто экономические структуры, и введение понятия «геоэкономика» заполняет тот самый лексический дефицит, о котором сегодня уже говорили. То есть экономика в современном мире во многом выполняет управленческие и властные функции, а власть участвует в решении вполне экономических задач. К тому же и то и другое нередко осуществляется за пределами национальных территорий. Иначе говоря, геоэкономическая конструкция, которая выстраивается в мире, транснациональна и глобальна, хотя и привязана к определенным географическим ареалам.

В результате на планете возникла своеобразная метаэкономика – сложноподчиненная система геоэкономических пространств, соединенных нитями ресурсных потоков и геоэкономических рентных платежей. Другим следствием глобализации стало разделение экономической деятельности как структурно (в соответствии со структурно-доминантным ее геном), так и территориально (в соответствии с тем или иным географическим/трансгеографическим метарегионом). Я выделяю шесть таких ареалов, их взаимосвязь представляет собой иерархическую конструкцию.

Есть такой рукотворный предмет, «китайский шар» – шар в шаре и так далее: всего пять уменьшающихся шаров, расположенных один внутри другого. Это конструкция – неплохая модель геоэкономической конструкции мира. На поверхности *геокона* находится геоэкономический *Новый Север* – охватывающая все прочие миры «штабная экономика». Она генетически связана с североатлантическим регионом, но обладает собственным транснациональным и трансгеографическим целеполаганием. Экономика этого космополитического модуля сопряжена с обладанием символическим капиталом, с возможностью глобальной проекции властных решений, с финансово-правовым регулированием всей совокупности экономических операций, со сферой высококвалифицированных услуг и цифровой экономикой. Это обиталище современной эфирократии я называю Новой Лапутанией по ассоциации с «воздушными островами» из одного путешествия Гулливера. И кото-

рое оставляет все виды вещественного, материального производства другим геоэкономическим регионам.

Доминанта следующего геоэкономического/географического пространства («первого внутреннего шара») – высокотехнологичное производство, расположенное в североатлантическом регионе. И если «первый этаж» мы назвали «Севером» (Новым Севером), то данный локус следует, наверное, сохраняя определенную типологическую/географическую преемственность, именовать *Западом*. Североатлантический регион выполняет для мира функции своеобразного «высокотехнологичного Версаче», занимаясь производством лекал и образцов, причем далеко не только в области одежды и обуви, но в сфере высоких технологий, которые (с определенными ограничениями для военных технологий) тиражируются затем в других регионах планеты.

И, прежде всего, в тихоокеанском регионе, в пространстве Большого тихоокеанского кольца. На сегодняшний день в геоэкономическом смысле тихоокеанский регион – это не только Северная и Юго-Восточная Азия, Австралия и Океания, ареал включает в себя и такую нетрадиционную ось, как Латинская Америка – Индостан. Это *Новый Восток*, связанный с массовым промышленным производством, включая наукоемкие и высокотехнологичные товары. Еще один географически мотивированный метарегион – *Юг*, расположенный преимущественно в тропической и субтропической зоне. Основа его геоэкономической ориентации – производство различных видов сырья.

Наконец, последняя географически мотивированная зона в современном мире – пожалуй, наиболее невнятна с точки зрения ее геоэкономической ориентации. Это «сухопутный океан» Евразии, точнее – пространство Северной Евразии, в политическом отношении во многом связанное с историческими судьбами России. Это, кстати, единственный «океан» (транзитное пространство), большая часть которого является национальной территорией. Если бы речь шла о построении формальной модели, то структурообразующим началом данного «большого пространства» – своеобразного геоэкономического *Гипер-Севера* – по ряду косвенных признаков должно было бы стать производство интеллектуального сырья и широкого круга нововведений, как технико-технологических, так и социальных. В этом случае пространственная экономическая организация мира закрепила бы структурные и функциональные отношения «мировой производственной мегамашины» – единого производственного и воспроизводственного комплекса мирового хозяйства. На практике, однако, этого пока не произошло.

Завершает перечень основных элементов пространственной экономической конструкции *мировой геоэкономический андеграунд*, «размазанный» по совокупной изнанке геоконата, объединяя спекулятивный *квази-Север* с откровенно грабительской, «трофейной», криминальной экономикой *Глубокого (Глубинного, Крайнего) Юга*. Это наследник прежней криминальной и околокриминальной деятельности, которая в новом транснациональном мире, оперируя сотнями миллиардов – если не триллионами – долларов, постепенно приобретает качественно новые характеристики и устойчивое положение в рамках глобального геоконата. Это далеко не только наркотрафик, хотя он составляет, наверное, самую заметную и знаменитую часть данной паразэкономики, но также многочисленные сегменты теневой деятельности, тесно связанные с экономикой легальной, создавая серые, полусерые и прочие затененные и «нечистые» зоны деятельности. Однозначное определение паразэкономики этого динамичного и трансграничного пространства, рискует сузить ее пред-

метное поле, связанное тысячами нитей с другими частями мирового экономического универсума.

Перечисленные выше «круги» геоэкономической мегамашины находятся в определенной системе взаимоотношений: производство природного сырья и производство материальных изделий, создание интеллектуального «сырья» и производство высокотехнологичных изделий, вся индустриально-промышленная деятельность и постиндустриальная «экономика услуг», включая финансово-правовые и управленческие. Как же выстраивалась данная глобальная мегамашина? Мы бегло просмотрели историю двадцатого века с точки зрения политического строительства в сфере международных отношений – как ломалась вестфальская система и выстраивалась новая, поствестфальская система мировых связей. А как создавался геоэкономический универсум? Какие «этапы большого пути» преодолела «штабная экономика», чтобы занять свои нынешние лидирующие позиции?

Геоэкономический интеграл, о котором я веду речь, представляет собой достаточно специфическую механику. С какого-то момента исследователя его хитросплетений начинает охватывать странное ощущение, что те управленческие коды, с которыми мы сталкивались в Советском Союзе, тесно связанные с административными, номенклатурными системами управления, имеют определенную социальную перспективу и получают специфическое развитие в современном мире как формулы управления глобальными ресурсными потоками и перераспределения мирового дохода. Приведу несколько примеров (помимо широко известных, наподобие «ножниц цен»), чтобы можно было почувствовать масштаб и качество управленческой субстанции, о которой идет речь: *глобальных геоэкономических технологий*.

Во-первых, технология создания *мировой резервной валюты*, модифицированная в 1971-1973 годах на основе реализации феномена *новых денег*. В том году Соединенные Штаты Америки – эмитент фактической мировой резервной валюты, отказывается от золотого паритета доллара, доведя, таким образом, исторический процесс порчи монеты до некоторого логического предела. Деньги приобретают своеобразный «алхимический» характер – их значение определяется, в конечном счете, символическим капиталом Соединенных Штатов Америки и их возможностями глобального управления, а не теми или иными материальными ресурсами.

Следующий этап – формирование технологии *глобального долга*. Ее начало – конец 1973 года, время нефтяного кризиса, когда большое количество евродолларов (евродоллары, кстати, это не только доллары, которые имеют хождение в Европе, а вся та долларовая масса, которая находится за пределами США) вторглись в мировую финансово-экономическую ткань и начали творить чудеса. Они идут потоком из нефтедобывающих стран в западные банки, ломая прежние кредитные схемы, деньги начинают как бы «подгнивать», процентные ставки резко падают.

Процесс этот совпал по времени с политическим процессом деколонизации, и свободные финансовые ресурсы широким потоком хлынули в развивающиеся страны, возникшие долговые обязательства которых гасились все новыми кредитами. В результате семидесятые годы – время достаточно интенсивного развития, но, когда наступили восьмидесятые, то эта динамическая система оказалась перед угрозой глобального краха – краха мировой банковской системы. В ответ на возникшую угрозу формулируется технология *структурной перестройки (structural adjustment) и финансовой стабилизации (financial*

stabilization). (Перестройка – не совсем точный перевод понятия *adjustment*; по-русски, точнее было бы сказать: «структурная адаптация», «поднастройка», «прилаживание».) Вкратце, основной смысл этой технологии – перманентное повышение производства природных ресурсов на экспорт странами-реципиентами данных программ и перераспределение в их бюджете средств с внутреннего потребления на уплату внешнего долга (при том, что реально сформированный подобным образом внешний долг не может быть выплачен практически никогда).

Наконец, просто упомяну ряд иных геоэкономических технологий (часть из которых находится пока еще в стадии становления) – этого основного технологического субстрата глобальной «штабной экономики», нового исторического призрака, бродящего по планете. Например, *управление рисками, управление хаосом, контролируемая деструкция, механизмы глобальной переброски рисков, новые системы страхования*, в том числе *национальных и региональных рисков*...

Итак, на планете складывается новая экономика, которая в своих основах подозрительно тяготеет к административным кодам управления, к ценностям более-менее выраженного глобального *баланса*, что, в общем-то, противоречат истории современной цивилизации, связанной преимущественно с процессами *развития*. И даже не просто развития, а перманентной трансценденции существующих условий бытия, с форсированным инновационным процессом, с созданием новых кодов и полей предметной деятельности.

В социальной реальности наших дней присутствует между тем некий влиятельный фактор сопряженный с идеей развития. Дело в том, что в мире, наряду с процессом *глобализации*, о котором так много говорится и пишется, протекает другой, не менее основательный процесс, который, однако, привлекает к себе меньше внимания. Это процесс *индивидуации*: становление энергичной, полифоничной личности, или группы личностей, обладающих доступом к финансовым, организационным, техническим, технологическим рычагам индустриального и постиндустриального уклада, какими люди никогда прежде не обладали.

Деятельные «молекулы» этой социальной субстанции, образуя «*сети переплетающихся подобий и космических симпатий*», создают пластичные и перспективные организационно-деятельностные конфигурации. И здесь вновь язык социальных наук «немеет» – чувствуется дефицит соответствующей лексики, отсутствие разработанной семантики процесса. Подобные образования я определяю как *новые организованности*, также я их называю *амбициозными корпорациями*. Есть еще и такое понятие, как *астероидные группы*.

Откуда, к примеру, взялось понятие «астероидных групп»? Мы можем представить национальное государство как некоторую планету, но видим, что в современном мире – не только в развивающемся, но и в индустриально развитом, – некоторые национальные государства, национальные корпорации элит подвергаются декомпозиции, распадаются. В элитных группировках современных государств («парящих» в транснациональной среде) соприсутствуют группы, руководствующиеся весьма различными интересами и преследующие подчас совершенно разные цели. Эти цели и интересы, оказываясь антагонистичными в рамках национальных границ, в то же время порой совпадают с целями и интересами элитных группировок, обитающих в совершенно иных национальных ареалах. По-

добные товарищества (осколки прежних «национальных корпораций») сливаются в космополитичные молекулы новых транснациональных организованностей.

Эти блуждающие в социокосмосе астероиды; различные амбициозные корпорации – экономические и трансэкономические, глобальные диаспоры, международные неправительственные организации, клубы, различного генезиса, рода деятельности и пропорций, криминальные консорциумы, «пандемиогенные социовирусы и черви Муадиба» и т.п., – все они составляют новую пластичную Ойкумену, картография которой, во-первых, на сегодняшний день не прописана, а, во-вторых, большой вопрос, можно ли ее вообще устойчиво формализовать и «прописать», скажем, в учебнике социологии. Ведь даже та, сравнительно простая геоэкономическая конструкция, о которой говорилось ранее, далеко выходит за пределы традиционной, административно-политической карты мира. К тому же в ней есть дополнительное, «третье» измерение – представленное глобальным и «изначальным» трансграничными ареалами. С новыми организованностями дело обстоит, однако, еще более сложным образом: перманентная динамичность и неопределенность являются их основными, генетическими свойствами.

Понятия *нестационарности, неопределенности, турбулентности* стали весьма популярными и распространенными категориями в современном политическом лексиконе. Данной темы не так давно коснулся заместитель военного министра США Вульфовиц, определив в качестве одной из приоритетных задач стратегических разработок исследование проблемы неопределенности. А такой влиятельный человек как Гринспен, председатель Федеральной резервной системы США, отказался в какой-то момент от привычных форм прогнозирования складывающейся ситуации и несколько раз прибегал к формулировкам, смысл которых в том, что будущее мировой финансовой системы – есть некоторая принципиальная неопределенность.

На чем бы я хотел здесь акцентировать ваше внимание? Состояние неопределенности – это, по-видимому, не просто постиндустриальный барьер, не некоторая транзитная ситуация, прохождение которой есть дело нескольких лет, или даже нескольких десятков лет, т.е. ситуация, которая со временем так или иначе будет преодолена. Нет, это возможно и есть основное, определяющее качество Нового мира, в котором человечество будет отныне пребывать, соответствующим образом трансформируя свое сознание и адаптируя социальные коды деятельности. И те новые формулы управления, которые возникают в современном обществе, связаны с новым качеством мира, с его гибкими организованностями, тяготея к типологии управления турбулентными процессами, к системам и методам контроля над динамическим хаосом.

Здесь я, пожалуй, вспомнил бы исторический урок, связанный с одним из центральных эпизодов истории XX века, который в свое время проморгали в Советском Союзе. Однако и в наше время этот фазовый переход нередко прочитывается, таким образом, который не соответствует его социальной мощи и сыгранной в истории роли. Можно достаточно четко определить временные границы этого социального взрыва: я определяю их с 1968 по 1973 год, или, чуть шире, с 1966 по 1975 год. Рамки для исторических перемен все равно необычайно узкие. Тогда, в течение буквально нескольких лет, на планете был эксплицирован и форсирован механизм глобальной трансформации, быстро изменивший мир... И, прежде всего, изменениям подверглась цивилизационная доминанта, связанная с центральным положением протестантской субкультуры, с положением христианского

универсума в системе современной цивилизации, мира Модернити. В те же – и последующие – годы достаточно быстро мутировали исторически сложившиеся формы экономики, политики, культуры...

Чем памятно нам то время? Майская революция в Париже, «революция хиппи» и антивоенное движение в США, именно тогда появляются прообраз Интернета – Арпанет (продукт сотворчества Пентагона и университетской индустрии), микрочип... Начинается обсуждение глобальных проблем, судеб Третьего мира, процесса конвергенции и альтернативных сценариев будущего цивилизации. Еще более впечатляющим событием было стремительное развитие постиндустриальной экономики, финансово-правовой экономики, экономики знаний, цифровой экономики, «новой экономики».

Но главным событием стал все же выход на историческую арену «нового класса», тесно связанного с новым порядком вещей, с постиндустриальным укладом в целом. Иначе говоря, тех личностей, которые чувствуют себя «в своей тарелки» среди реалий возводимого на планете постиндустриального мира. Имея прямое и косвенное отношение к средствам массовой и элитарной информации, к финансам и правовой деятельности, к идеологии и шоу-бизнесу, к политехнологиям и вообще к новым высоким, в том числе, и даже преимущественно, социогуманитарным технологиям.

Это «четвертое сословие» начинает стремительно развиваться и шаг за шагом – частично в ходе острой конфронтации, а частично в рамках достигнутого исторического компромисса со «старым классом» – занимает в обществе командные позиции. Данная генерация во многом сформировала финансовую экономику в ее современной ипостаси, породила цифровую (дигитальную) культуру, связанную не только с компьютерным производством и т.д. Новая социальная генерация, продуцирует также новую политику, планирует геометрию социокосмоса, рождающегося в атмосфере социальной борьбы и исторических компромиссов, выстраивает собственную версию Нового мира, которая в значительной мере отличается от ранее описанной механики геоэкономического континуума.

Глобальная революция развивается и сегодня, несмотря на драматичную агонию культуры Модерна и рецидивы ее гальванизации (кризис цифровой экономики, гиперимпериализм республиканцев США и т.п.). Противостояние «старого класса» и «класса нового» во много определяет весь пейзаж битвы за будущее. Как и в случае любой попытки трансценденции обыденного тут нет внятных прописей борьбы и простого способа трансляции социального текста. И, тем не менее, новые агенты исторического процесса, его динамичные субъекты штрих за штрихом прочерчивают на оболочке глобального сообщества зыбкую и невнятную пока карту постсовременного мира: новой земли и нового неба по ту сторону Большого социального взрыва. Станет ли, однако, это концом цивилизации или же будет еще одним, очередным зигзагом истории?

Пожалуй, на этом я, закончу монологическую часть выступления. Конечно, есть еще многое, о чем можно было бы сказать, но, мне кажется, что основной смысл присутствия лектора – это все-таки преимущества обратной связи. А поскольку времени отпущенного на сегодняшнюю встречу остается не так уж много, хотелось бы его оставшуюся часть посвятить интеркоммуникации. Если есть желание задать какие-то вопросы, то, пожалуйста, я готов ответить на них. А если такого желания нет, то я продолжу выступление и разовью еще какой-нибудь сюжет в русле рассматриваемой темы.

ВОПРОСЫ

Председатель. *Уважаемые коллеги, студенты, есть ли у вас вопросы? Пожалуйста.*

– Александр Иванович, как Вы считаете, условия, в которых мы живем, диктуются все-таки конъюнктурными интересами или основную роль играют ценности, определяемые господствующим мировоззрением? Как Вы на это ответите, есть ли, действительно, такая связь в глобальном масштабе, и как это обстоятельство учитывается общественными науками?

– По поводу Вашего вопроса у меня возникло две разные рефлексии, и я, пожалуй, изложу обе.

Первая связана непосредственно с соотношением ценностей и интересов, их балансом, связанностью и конкуренцией. Очень часто приходится слышать, что в современном мире происходит утрата ценностей, и интересы начинают тотально господствовать над ценностями. Очень часто приходится слышать, что мир упрощается и прагматизируется. И это действительно происходит, это достаточно очевидно. Но когда после подобного утверждения ставится жирная точка, то, мне кажется, это ошибка. Помимо уплощения привычных ценностей, в мире происходит интенсивный процесс формирования новых ценностей. Для того, чтобы сократить ответ, я бы сослался на свою работу «Трансформация истории», опубликованную в девятом номере журнала «Новый мир» за прошлый год и посвященную именно данной теме. То есть возникновению в мире новой системы ценностей, причем системы яркой, динамично развивающейся и связанной, на мой взгляд, в значительной мере с радикальной трансформацией христианской культуры и, параллельно, со вполне определенным иным мировоззрением, с гностическим мировоззрением. В лекции я частично коснулся этой темы, говоря о генезисе «нового класса».

Вторая мысль, которая приходит в голову при ответе на Ваш вопрос, связана, пожалуй, с сущностью гуманитарного знания. Социогуманитарное знание, к сожалению, подверглось заметной редукции в силу того, что развивалось все-таки в русле идей Просвещения и позиционировало себя как наука. Отсюда перенесение на него ряда закономерностей и ограничений, свойственных естественным наукам, их специфического минимализма, что оказало социогуманитарным дисциплинам дурную услугу.

Естественные науки исследуют мир, объективно существующий вокруг нас. Они базируются на определенной аксиоматике, на определенной устойчивости констант и на таком мощном инструменте как эксперимент. Все это имеет серьезные культурологические основания, ибо фундамент данного комплекса был заложен еще в XIII веке (даже можно сфокусировать животворный момент их генезиса до 1270-1277 гг.). А гуманитарные науки, это все-таки заметно иная форма организации знания, ведущая свою родословную от теологии, юриспруденции, от *тривиума* свободных искусств (грамматика – диалектика – риторика) и наследия гуманистов, от коллегий и университетских корпораций того времени.

Да, какие-то аналогии, в общем-то, уместны, но надо помнить, что гуманитарные науки, это, по сути дела, развернутый и хорошо организованный (логичный) дискурс, рассуждение. К тому же это дискурс, который базируется явным или не слишком явным обра-

зом на той или иной мировоззренческой платформе. Поэтому выводы, сделанные на основе предпосылок, исходящих из существа различных мировоззренческих начал, естественным образом различаются, предполагают специфичное целеполагание. И дискуссию, если она возникает по поводу этих различий, приходится, в конце концов, опять-таки явно или неявно вести именно в мировоззренческой плоскости. Кроме того, на развитие социальных и гуманитарных дисциплин отрицательно повлияла механистически заимствованная у естественных наук «брита Оккама», в результате чего, они подвергались подчас недопустимой редукции.

Единственное, что сближает модели рассуждений, свойственные науке и социогуманитарным дисциплинам – это их инструмент, логика. Но даже здесь возможны подводные камни, собственно говоря, XX век показал, что даже логика может различаться, порой существенно. Однако слишком долго логика была легитимна лишь в категориях, доставшихся нам от эпохи Просвещения, а если приглядеться к ситуации основательнее, то – от наследия Аристотеля, от понимания истины Античностью и вообще от натурфилософского взгляда на мир (типичный «идол театра»). Кстати говоря, как раз естественные науки в своем развитии успешно преодолели это ограничение, ибо их понимание истинности основывается не на непротиворечивости рассуждения, а на эксперименте.

Философия и логика Аристотеля, его труды, проникли в средневековую Европу из мира мусульманской культуры, преимущественно во времена крестовых походов (а также из Кордовы и в результате разграбления Константинополя крестоносцами в самом начале XIII века), породив по ходу дела ряд ересей. Однако вскоре эта античная методология организации знания подверглась сокрушительной критике. Тем не менее, те самые силы, которые критиковали ее, со временем подверглись очарованию аристотелевой логики, в силу другой стороны этого инструмента – его способности действенно, эффективно вести рассуждение, наглядно прояснять многие туманные материи. И в результате в значительной мере была утрачена одна из важнейших ценностей христианской цивилизации – гораздо более сложная для усвоения, удержания и рассуждения нелинейная тринитарная и халкидонская логика. Лишь в XX веке наука приходит к пониманию колоссального значения нелинейной логики для постижения истинной природы вещей, но при этом она вступает в конфликт с редукцией сознания современного человека. Сознания, сформированного, в общем-то, под влиянием механистических установок идеологии Просвещения, в свою очередь базирующихся, как это ни парадоксально прозвучит, на принципах теологии томизма и схоластической культуры в целом.

– Суверенитет и сама государственность с некоторых пор подвергаются разрушению, но будет ли это продолжаться и дальше? Что нового в этом смысле несет нам наступающий век? Где наше будущее? Есть ли оно? Какое оно?

– История возникновения национальных государств вообще интересна, ведь примерно до времени Столетней войны, точнее, до ее окончания в XV веке, национальных государств в рамках христианской цивилизации по сути дела не существовало.

К примеру, хотя это, наверное, и частность, но частность весьма характерная, – поражают военные обычаи того времени, применявшиеся в ходе боевых действий в Европе, ибо они показывают, что тогда еще существовало понимание единого христианского народа, который существует в определенных исторических (земных) условиях. Да, сущест-

вовали королевства, существовали лены, существовали коммунальные республики, но даже языковых различий между ними в определенном смысле порой не было (существовали наречия и своего рода «язык установлений» – латынь), а особенно однородной была культура правящего класса и образованного сословия. Так, рыцари, которые участвовали в Столетней войне, то есть войне между Англией и Францией, говорили на одном языке – французском, а пленники этой войны участвовали в застольях и в праздничных турнирах противника. То же можно сказать о правящих династиях и о зигзагообразных передвижениях монархов по карте Европы из одного государства в другое. Вместо «чувства патриотизма» было «чувство верности, долга». Европейский патриотизм в привычном для нас понимании возникает как раз в годы Столетней войны – во Франции его символом со временем становится Орлеанская дева. Происходит зарождение феномена национального государства, имеющего, таким образом, историческое начало, а, как сказал один умный человек, все, что имеет начало, узнает и свой конец.

Мне кажется, что на сегодняшний не только крове-почвенническое, тем более этническое, понимание национальности, исчерпало себя, постепенно меняется характер и значение такой социальной общности как государственность. И даже та триада векторов трансформации национальной государственности, о которой говорилось сегодня в лекции, – в направлении мировых регулирующих органов, стран-систем и субсидиарности показывает, что «идеал возможного» может значительно разниться от «идеала сущего».

Но вспомним также о еще более радикальном векторе «человека-государства», векторе индивидуации, о формировании в мире института суверенной личности. Тот процесс, который идет сквозь столетия, перемалывая историю, это процесс персонализации, становления личности. Ведь, в сущности, в чем социальный вектор всей христианской культуры? Чем христианская цивилизация принципиально отличалась от социальных общностей, которые существовали до этого? Да тем, что в них личность в современном понимании отсутствовала, существовала лишь та или иная персонализированная социальная функция. Я начинал свою научную карьеру как востоковед. И, быть может, поэтому в менее романтическом свете представляю себе структуру архаичных восточных обществ, которые отнюдь не так свободны и романтичны, как казались, скажем, Гогену (по крайней мере, до того, как он пожил в реальной Полинезии). Это общества, в которых существует жесткий примат социальной функции над личностью, свободная личность же, фактически, отсутствует – человек живет в рамках исполнения некоторой функции.

В чем достоинство христианской цивилизации, что сделало ее глобальной? Она расколдовала человека. В силу того, что она цивилизация монотеистическая, то есть у нее есть видение Бога-творца, и человек, подобный своему Творцу, равно свободен в своем творчестве, в своих действиях, он уже тотально не скован функцией. Для меня эталоном данной ситуации является «Гамлет» Шекспира. Принц Гамлет всей мощью родовой, традиционалистской культуры поставлен перед необходимостью мщения, но проблема, которую он единственный видит, а все другие не воспринимают, это вопрос: а, собственно, почему? Почему он обязан выполнять эту обязанность, будучи свободной личностью, у которой есть собственная уникальная миссия и жизнь?

Это специфическое мироощущение свойственно всем монотеистическим религиям, то есть тому мировоззренческому корпусу, в котором присутствует фигура Бога-творца. Именно оно предопределило движение человека к осознанию себя как самостоятельной и

свободной личности. Однако христианская цивилизация обладает еще одним сокровищем, поднимающим человека на поистине головокружительную высоту: я имею в виду догмат о Боговоплощении, то есть возможность для человека достижения состояния *обо'жсения*, слияния с Божественными энергиями – что является ересью в других монотеистических религиях.

В наше время человек выходит из-под власти многих авторитарных структур, в том числе власти институциональной. Появились амбициозные корпорации, появились личности, достаточно свободные и амбициозные в своих действиях. Конечно, те или иные материальные ограничения остаются; в конце конов, ограничения это то, что постоянно сопутствует земному существованию и человеческой природе, но тем не менее их вес снижается, облегчается возможность свободно передвигаться, формулировать и реализовывать проекты, коммуницировать с людьми и организациями, создавать свои организации в любой пространственной геометрии, активно влиять на ход событий и на сложившейся порядок вещей, – и вся эта калейдоскопическая динамика создает определенный синергийный эффект, формируя новую, полифоничную общность.

Да, есть и определенные ограничения, и определенные перспективы для развития в рамках государственности, автономии, той или иной локальной социальной общности. Но то, что возникает в Новом мире, это образ персонализированного глобального сообщества с собственным реестром достоинств и пороков. Это мир, где многие привычные формы социальной общности прекратят существование, станут irrelevantными, и возникнет конструкция бескрайнего Глобального града. Уже сейчас мы видим, как некоторые люди объединены не столько территориальной геометрией, сколько, скажем так, геометрией корпоративной. Например, когда мы рассмотрим стиль жизни внутри крупнейших экономических динозавров и юрких трансэкономических групп, то видим то, о чем писал в свое время Жак Аттали – новое кочевничество в его различных ипостасях; людей, которые свободно передвигаются по миру, пользуются всевозможными технико-технологическими «протезами», привычно обитают в отелях, и когда входят в родную и знакомую хатку, то знают, где и что лежит, где и что находится. И в недрах этой кочевнической культуры зреет могучая, системная трансценденция прежних форм бытия.

– Наступающий век, кажется, демонстрирует нарастающую конфликтность христианства и мусульманства. И если это действительно так, то можно ли планировать миролюбивые отношения между Севером и Югом в перспективе? Чтобы не было войн, даже локальных?

– И христианский и мусульманский культурно-цивилизационный ареал пребывают в транзитном состоянии. Разве можно однозначно охарактеризовать находящийся в становлении Новый Север как пространство христианской цивилизации? Конечно, секулярность есть специфический продукт христианской культуры, но разве эклектичный Новый Север, который на сегодняшний день есть космополитичный регион транснациональных элит, секулярное пространство? Прагматичное, да. Но и целеустремленное...

Если позволите, я выскажу несколько соображений по поводу ритмов истории христианской цивилизации. Христианская цивилизация развивалась два тысячелетия. И развивалась она удивительным образом – приблизительно каждые пятьсот лет возникала новая версия христианской культуры, причем эта периодичность выдерживалась с поразитель-

тельной устойчивостью. Судите сами, первое пятисотлетие (квинтиум) – поздняя античность, период существования Римской империи (как Восточной, так и Западной, сокрушенной в 476 г.), время перехода от свободного «полиафтокефального» (пресвитерианского и епископального) церковного устройства к государственному христианству. Это также время первого (халкидонского) раскола, отпадения Восточных (азиатских) церквей: эфиопской, армянской, коптской и сирийской (451 г.).

Второе пятисотлетие – уже совершенно другая версия христианской культуры, время доминирования Византии. Западная Европа в те годы вплоть до каролингского возрождения пребывает в состоянии темных веков. А Византия – это центр христианского мира. Так продолжалось до раскола между римско-католической и православными церквями в 1054 году, когда в третьем пятисотлетии эстафета переходит дальше на запад: происходит стремительное развитие Западной Европы, где происходят революционные перемены, прежде всего, «зеленая революция» в сельском хозяйстве, затем демографическая революция, когда резко возрастает количество населения. И происходит это совсем не случайным образом: «темные века» были заполнены интенсивной инновационной деятельностью, когда создавались такие новшества, о которых вроде бы и говорить не очень интересно: например, трехпольная система земледелия, подкова, хомут, запряжка цугом, распространение мельниц, – именно этот инновационный прорыв привел общество к иному уровню сельскохозяйственного производства, что в свою очередь вело кастелянской революции, приватизации власти и распаду имперского социума. Параллельно разворачивалась бюргерская революция, рост числа городов, в которых растет спрос на знания, на образование, возникают интеллектуальные корпорации (коллегии и университеты) – сначала юристов, потом медиков и мастеров свободных искусств. И этот бурлящий мир выплескивается за пределы Ойкумены в ходе крестовых походов, а затем – динамичной торговой эпохи географических открытий. Так проходят пятьсот лет интенсивного развития католической Европы, когда опять-таки происходит раскол и возникает новая версия христианской культуры – протестантская. А доминирующий ареал смещается еще дальше на запад: из Средиземноморья в Северную Атлантику.

История последних пятисот лет нам хорошо известна, она связана со взлетом и нынешним кризисом культуры Модернити. И быть может тот революционный рубеж, о котором уже говорилось сегодня – 1968-1973 годы, есть пороговый рубеж не только упадка протестантской культуры, но и выхода на историческую арену новой версии христианского мира, как мира глобального и предельно секулярного. В пятидесятые годы я несколько лет прожил в Соединенных Штатах, а затем приехал туда уже только в начале семидесятых, и меня поразила та колоссальная культурная революция, которая произошла в стране за тот период.

Так что, быть может, рассматриваемые нами события и перемены как раз свидетельствуют о начале аналогичного исторического рывка. Происходит фундаментальная мутация Севера, о которой, собственно говоря, имеет смысл вести углубленный разговор. Но называть ли при этом новую культурную ситуацию новой версией христианской культуры – это вопрос.

Еще большую настороженность вызывает определение Юга, как пространства мусульманского мира. Ну, во-первых, в этих же пространствах соприсутствуют и индуизм, и буддизм, и конфуцианство. Новый Восток это, пожалуй, в основном «конфуцианский

мир», однако является ли Китай – Югом, это большой вопрос, хотя бы потому, что его валовый внутренний продукт вполне сопоставим с ВВП США (различаясь всего примерно в два раза). Но, пожалуй, еще более серьезны возражения другого рода. Вот я обмолвился о том, что семантические и лексические подвижки всегда неслучайны. И мне кажется, что, когда речь идет об исламизме, то мы говорим не об исламе как религии, а мы говорим о некоей идеологии – и это серьезный тезис. Мы говорим, фактически, о генезисе новой идеологии. И эта идеология вполне соответствует кодам культуры постмодерна: религия используется в качестве оболочки, скрывающей весьма эклектичное, земное содержание.

Конфликт Севера и Юга, цивилизационный раскол Севера и Юга для меня часть более широкого процесса постмодернизации мира. И этот процесс во многом связан, действительно, с новой мировоззренческой основой, которая достаточно выражена в обеих культурах. Но для меня это не христианская или мусульманская миссия, это гностический призыв. Это, если угодно, вовлеченность реальных людей в поклонение нереальному, иллюзорному, модельному, утопичному, присутствие чего, кстати говоря, ощущалось уже в протестантизме. А манифестацией данной древней мифологемы являются отношения *«рыцарственных демократий Севера и мирового плебейства Юга»*. Все это не христианские и не мусульманские категории, это гностическая химера.

– Будет ли мир XXI века обладать собственной мировоззренческой платформой или же этот «Новый мир» станет миром торжества прагматизма, утилитарно понятых интересов?

– Частично, я уже попытался ответить на данный вопрос. Я полагаю, что крупные социальные смыслы никогда не существуют вне мировоззрения. То есть никакая экономика, никакая политика, обладающая внутренней жизненной силой, «упругостью», долгосрочным целеполаганием, не может существовать вне определенной мировоззренческой основы: и политика, и экономика – лишь формы человеческой практики, их земная геометрия определяется мировоззрением и выстроенной в соответствии с ним правовой конструкцией, «правилами игры».

Вопрос для меня заключается в другом: христианское ли это мировоззрение или какое-то другое. С одной стороны, мы находимся на пороге серьезной революции в сфере христианской культуры, так что возможно появление какой-то радикально обновленной ее версии. Вполне вероятно возникновение в мире движения, которое, естественно, будет оцениваться весьма по-разному, но при этом будет претендовать на очередную модернизацию этой культуры. Собственно говоря, элементы этого прослеживаются уже сейчас в процессах универсальной секуляризации, персонализации, распространении парадигмы прав человека (актуализирующей в первую очередь права меньшинств), а в сфере церковной практики – в возрождении идеалов раннехристианской «полияфтокефальности». Это одно прочтение сюжета.

Но другое, быть может, более емкое и адекватное современности толкование исторических перспектив – лежит в русле возрождения неоязычества (в том числе в постсовременных прагматичных и квазисекулярных формах), реориентализации мира и определенным образом прочитанной его неоархаизация, что свидетельствовало бы о радикальной трансформации истории, о свертывании «христианского проекта» как основы «большого социума» и формировании синкретичного постхристианского универсума. Но и в этом

случае распространение новых форм христианской культуры, в том числе в сфере церковной практики, представляется, практически, неизбежным.

А вот то, что на сегодняшний день уже, кажется, проявилось – это вхождение человечества в мир гностической культуры. Ощущается деятельное присутствие в процессах глобальной трансформации энергий гностического мировоззрения, которое, осознавая и проявляя себя достаточно различным образом, питает происходящую мутацию политики (новый элитаризм), экономики (хрематистические коды финансовой деятельности), участвует в формировании новой культуры, социальной ментальности и т.д. Просто же интересы вне ценностей – это анонимизированная транзитная среда, оболочка реально происходящих процессов. Общества, в которых потеряны метафизические смыслы бытия и идеалы, общества, в которых утрачено мировоззрение, не живут – распадаются, превращаясь в составные части каких-то других, живых и энергичных организмов.

– Как же разрешится, в конце концов, конфликт цивилизаций на планете? То есть столкновение цивилизации, которая, так сказать, существовала и существует, и мира ислама, пришедшего сейчас в движение? Вспомним об «11 сентября». Каковы перспективы у цивилизационной ситуации?

– Знаете, для меня трагические события «одиннадцатого сентября» не есть выражение конфликта цивилизаций в горизонтальном, «хантингтоновском» смысле, то есть как манифестация столкновения между христианской и исламской культурами. Я не думаю, что подобное толкование реально объясняет механизм и логику подобных событий. Для меня это, скорее, феноменология «третьего куста» из вариантов прочтения цивилизационной ситуации, обозначенных в начале сегодняшней лекции; иначе говоря, это, скорее, столкновение сложившихся, институализированных структур социального управления с новыми организованностями и иной логикой прочтения социально-политической практики, которая во многом носит дискретный и анонимный характер.

В событиях подобного толка понятие субъекта действия чрезвычайно размыто, и, возможно, мы рискуем утратить способность определять реальных субъектов действия. То есть мы оказались в ситуации, когда политология просто не имеет прописей реально складывающегося на планете положения вещей. Политики же весьма заинтересованы в действенном прочтении ситуации, во многом потому, что они, собственно говоря, оказываются в ситуации «вне игры», однако понимают задачу подчас чересчур узко, утилитарно, то есть как прочтение *механизма* событий, а не *онтологии* перемен. Создается впечатление, что они не вполне понимают, с чем имеют дело, и у них явно нет адекватного инструментария для того, чтобы взаимодействовать с формирующейся реальностью. А те могучие инструменты, которыми они обладают, оказываются, в каком-то принципиальном смысле, дефектными.

Посмотрите на действия, которые производят в мире Соединенные Штаты, насколько они эффективны и перспективны? И не напоминают ли они порой агонию мира Модернити? Системы защиты этого государства базировались на определенной культурной платформе (причем, Советский Союз также действовал в рамках данной культуры), формируя такие механизмы сдерживания, как, скажем, доктрина «взаимного устрашения», и это были вполне работоспособные, эффективные механизмы. А вот в новой культурной

ситуации такой механизм как сдерживание, основанное на устрашении, не только не действует, а, напротив, подчас становится провокационным.

Поведение Америки в мире сейчас часто сравнивают с образом «слона в посудной лавке». Образ любопытный, если вспомнить, что смертельным врагом слона является...мышь. В современном лексиконе этот образ чреват массой аллюзий и ассоциаций. В свое время я написал статью, практически, на эту тему, то есть о столкновении различных систем управления в современном мире («Дружба народов», 2002, №4), начал же ее со сказки: *«мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось...»*. Но почему же очень непростое яичко, которое дед бил-бил, не разбил, баба била-била, не разбила, мышка легко смахнула хвостиком, и оно тут же разбилось? Ответ на этот вопрос вскрывает, как мне кажется, ситуацию, которая формируется в XXI веке, когда вновь, как и во времена гибели динозавров, по планете забегали юркие маленькие зверьки...

Поэтому, собственно говоря, основной конфликт современности я вижу в столкновении публичной, гражданской власти с возникающей новой... как ее назвать? Государственностью? Можно ли ее так назвать? Но тогда надо понимать, что мы под этим понимаем, пока же я предпочитаю называть это новой социальной организованностью. Эта новая организованность, которая носит вполне транснациональный характер, не исчерпывается пространствами Севера или Юга, астероидные группы элит и амбициозные корпорации равно хорошо действуют в обоих пространствах. Вчера вечером, перед сном я читал роман Ричарда Перла *«Твердая линия»*, и мне бросилась в глаза одна фраза: *«Светские террористы в темных элегантных костюмах, они сражались не автоматами АК-47, а меморандумами, докладными записками, аргументами и утечками информации. Это была ничем не ограниченная война, война без правил»*.

– Александр Иванович, взял я в руки маленький шарик, глобус, но для человеческого общества это одна большая Земля, населенная множеством народов. Вот, взять хотя бы нашу Чувашей. Нам президент говорит, что у нас в Чувашии нет своих природных запасов. Я, правда, с этим не вполне согласен – у нас есть большое богатство, это красота природы. Если бы только дали нам возможность эту свою оригинальность развивать, ведь здесь простор для индустрии отдыха и туризма, как в Калифорнии, которая только этим и живет, так Чувашия бы просто процветала! Вы понимаете?! Но ведь Соединенные Штаты Америки, они сильные, а сильные должны помочь. Я хотел задать этот вопрос тому лектору, который приезжал к нам из Америки. Мы ведь должны, действительно, о практической экономике думать. На юг не обязательно ехать - многим вредно, - так можно же и здесь, в Чувашии, нам развивать это направление. Практической экономикой надо заняться.

– Я желаю Чувашии самых благих и прекрасных перспектив. В Чебоксары я приехал через Казань, и когда рано утром ехал из Казани в Чебоксары, то немного задремал по дороге. Но, открыв глаза, ахнул. И первое слово, которое произнес, было: *«Ясно, как ясно!»*. Меня поразила атмосфера ясности, которая присутствует в вашем чудесном городе.

ФЕНОМЕН КАПИТАЛИЗАЦИИ: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ*

(ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ 17.08.2003)

Богатство состоит в пользовании, а не в праве собственности

Аристотель

По сути, тема сегодняшнего разговора – это рассуждение об эффективной, целенаправленной человеческой деятельности и о ее *мере*. Чем измерить затраченные усилия, энергию, время, подвижность ума? Мера им – результат, но результат можно понимать различным образом: можно количественно – как некую сумму прибытка, можно качественно – как достижение нового состояния, как трансценденцию прежнего кодекса действий и состояния, переход в не совсем знакомую или в совсем не знакомую среду. Можно понимать его ценностно или социально: как результат позитивный, конструктивный или как результат негативный, деструктивный, либо как эффективный, но социально неприемлемый...

Как, однако, могла бы выглядеть единая, универсальная шкала человеческого действия в сфере общественной практики, и имеет ли подобная шкала право на существование? Что именно умножается и что сокращается в результате тех или иных действий человека? Так, где же она – общая мера человеческой деятельности, подобная мерам мощности, силы тока, скорости?...

Какое-то время универсальной, метафизической мерой личностных усилий были признаны внетелесные энергии: *благодать* и *грех*. Но и тогда была, и сейчас есть у них своего рода земная тень – вполне «физический» коррелят, практичный (т.е. амбивалентный по отношению к добру и злу) аккумулятор человеческой энергии: *деньги*. Причем все три константы обладают своеобразной, *не-прямой*, гибкой, но от этого не менее действенной властью над человеком и человечеством. Имеют они собственную инфраструктуру, организацию, социальный и иные конструкции – разнообразные механизмы и практики, вводящие эти константы непосредственно в социальное/индивидуальное поле деятельности, прикрепляясь к механике бытия и структурам повседневности.

Алгоритм целенаправленной деятельности, включающей в себя качественные (фазовые) переходы, можно смоделировать в уме, если представить, как человек учится плавать. Им производится много телодвижений – а в случае интеллектуального производства: лекций, вопросов, дискуссий, – и постепенно возникает ощущение чего-то иного по сравнению с предыдущим жизненным опытом. Но подчас перехода в новое качество может не произойти, и сумма произведенных действий останется набором напрасно потраченных усилий. Человеку, чтобы добиться *результата перехода* (и быть готовым к новизне, когда таковой произойдет), нужно иметь некий вынесенный вовне ориентир, «аттрактор».

* Лекция была прочитана в Школе по методологии «Капитализация и виды капиталов» Университетской корпорации «Школа культурной политики» (Литва, Паланга 16-24 августа 2003 г.).

Подобные соображения заставили меня пересмотреть предварительную концепцию выступления, о чём в конце вчерашнего вечера я и сказал, и начать сегодняшнее рассуждение с определённой дозы пропедевтики. То есть в раскрытии темы пойти принципиально иным путём: несколько отодвинув по времени встречу с основным предметом рассуждения – *капитализацией*, начать сегодняшний разговор с рамочных констатаций и утверждений. С более же конкретным и детальным анализом новых форм капитала, их влиянием на социально-экономическую практику я предлагаю ознакомиться, – помимо того немногого, о чем будет рассказано в сегодняшней лекции, – прочитав в розданных методических материалах текст «*Амбициозная корпорация*».

Что же такое рамочное обсуждение? Рамка – граница темы. То есть это обсуждение неких границ предметного поля, попытка понять, что находится по одну их сторону и релевантно поднятой теме, а что находится по другую и уводит от предмета разговора. В то же время внутри всякого дискурса заложен импульс трансценденции обсуждаемого предмета (особенно это свойственно российской аудитории), стремление к преодолению тематической рамки, интенция взглянуть на изучаемый предмет извне, из пространства, определяемого иначе организованной сеткой координат; наконец, для человека естественная тяга к преодолению предыдущего статуса знания, сложившегося формата дисциплинарных рамок. Это первое замечание о своеобразном «рамочном» характере сегодняшнего разговора и о присутствии в теме элемента новизны.

Второе замечание. Наши беседы протекают в русле определённой традиции, в рамках определённой методологии. И когда мы обсуждаем понятие *капитала* (и *капитализации*), мы обсуждаем его в некотором гомологическом ряду. Имея в виду, в частности, существование таких понятий, как *институты*, *технологии*, другие феномены (см. тематику предыдущих школ). Между всеми этими понятиями есть определенная генетическая связь, поскольку они объединены единым полем человеческой деятельности и форм ее организации. Причем состояние данного поля на сегодняшний день заметно иное, нежели это представлено в большинстве методических разработок и учебников. То есть современный модус практики имеет транзитный характер (вектор движения – отдельная большая проблема) и нередко выглядит несколько иначе, нежели описания, приводимые в тех учебниках, где содержится хорошо отрефлектированное и формализованное знание.

О чем, собственно говоря, идёт речь? По большому счёту, о грандиозной трансформации целеполагания человеческой деятельности, об агентах, инструментах и институтах этой деятельности. И о практических аппликациях соответствующих системных изменений, о тех модификациях, которые претерпевает человеческая практика в последние десятилетия и в самое последнее время. А изменения на планете происходят действительно революционные.

И все же обратимся вначале к истокам. Основания наук о человеческой деятельности (как мы сказали бы сейчас, *общественных наук*) были разработаны Аристотелем. Когда Аристотель формулировал свою матрицу знания, он на первое место поставил философию (умозрительное знание), на второе место – практические дисциплины, на третье – технологии (приемы творчества, производства), которые назывались тогда искусством (*технэ*).

Практическая деятельность Аристотелем рассматривалась весьма современным образом, т.е. холистично, целостно, как синтез умопостижения и действия. Стагирит, ко-

нечно, выделял в ней определенные субпространства, такие, к примеру, как этика (под этикой он, однако, понимал нечто отличное от современного прочтения данной категории – трактуя ее как мировоззренческие основания человеческой деятельности, направленной к достижению блага), затем шла политика, экономика (в контексте которой отдельно рассматривалось и такое направление, как хрематистика). В некотором смысле была выделена еще и поэтика, но это как раз остается за рамками нашего сегодняшнего разговора.

Сложившиеся направления человеческой деятельности в настоящее время устремлены к новой реинтеграции. Импульс интердисциплинарности проявляется во всей совокупности практики и, в частности, в такой сфере, как экономика. Процесс системной трансформации практического поля отражается на содержании таких категорий, как «капитал», «рыночная капитализация», а также на современных модификациях такой формы социальной организации, как «капитализм». В оценке всего этого клубка проблем многое, конечно, зависит от темперамента и точки зрения исследователя. Можно заявлять, что капитал – это то-то и то-то, и быть по-своему правым. Но, устойчиво реплицируя некий свод понятий, абстрагируясь от изменений, происходящих в реальности, формальным образом прочитывая сложившийся дисциплинарный канон, исследователь рискует погрузиться в схоластичную риторику. А экономика на сегодняшний день как раз является необычайно живой, таинственной и, я бы сказал, провокативной наукой. В своё время Томас Карлейль охарактеризовал ее как *«сумрачную науку»*. По крайней мере, так обычно переводят его знаменитое высказывание. Но в оригинале Карлейль использовал слово *mist*, которое переводится также и как «туманная», и даже как «плодящая миражи»...

Долгое время, особенно в российско-марксистском прочтении данной дисциплины, – и это оставило отчётливый след в сознании, – было восприятие экономики как, пусть и специфической, но, тем не менее, по-своему точной науки, т.е. науки, обладающей точным знанием, устойчивым категориальным аппаратом. Что, однако же, в корне неверно. И те, чей вагон двигался по обозначенным таким образом рельсам, заезжали, в конце концов, в тупик. Экономика – гуманитарная дисциплина, можно сказать, социогуманитарная, но по существу это мало что меняет. Это форма организации знания, которая исследует человеческие отношения и формы, которые принимают эти отношения в процессе целенаправленного строительства искусственного материального мира, а также технологию этого строительства, различные методики, применяемые в деле. И сейчас, когда возникают новые, подчас неожиданные следствия и формы данного процесса, внимание к социогуманитарным основам процесса, его *началам*, заметно повышается.

Мир прежних констант уходит в прошлое, познанные ранее законы социального космоса, в том числе фундаментальные, подверглись крупномасштабной коррозии и нуждаются в правке. То есть когда мы говорим, что нематериальные ресурсы: социальный капитал, капитал интеллектуальный, символический, культурный не являются капиталом в традиционном эконометрическом понимании, то вполне можно понять логику подобного рассуждения. Но когда мы обращаемся к текущей практике, то обнаруживаем удивительные тексты, и один из наиболее удивительных связан как раз с трансформацией оценки капитала, с проблемой рыночной капитализации.

Мы видим некоторые организационные агрегаты (корпорации, фирмы), которые имеют примерно равные по стоимости основные фонды, движимое имущество, запасы сырья и изделий, т.е. обладают *однопорядковой* бухгалтерской стоимостью (по основным

фондам, физическим активам), и в то же время порой обладают *на порядок различной* рыночной стоимостью. Как в одну, так и в другую сторону. Просчитав капитал в прежних политэкономических прописях, мы оказываемся в тупике: результат не просто не сходится, а отражает какую-то заметно иную реальность, подчас представляя абракадабру, поскольку, повторю, рыночная капитализация предприятий на сегодняшний день драматичным образом не соответствует их балансовой стоимости. И это не самый сложный и вполне «легитимный» (с точки зрения дисциплины) случай.

Более сложный – связан с установлением баланса между рентабельностью предприятия и его рыночной стоимостью (капитализацией). Тут мы также подчас рискуем столкнуться с определенным дисбалансом, разрывами, дискретностью оценок, хотя уже и не столь шокирующими, как в предыдущем случае (впрочем, это еще надо посмотреть). Но степень удивления перед вскрывшейся ситуацией заметно возрастает: ведь даже такой показатель как рентабельность(!) в современной экономике оказывается неполноценным и уязвимым...

Рассмотрим, однако, еще более интересный случай: ситуацию, когда предприятие откровенно нерентабельно – тут вроде бы ответ на вопрос об уровне его рыночной капитализации очевиден. Но этот очевидный ответ – из области теории, причем теории редуцированной, а вот на практике рыночная капитализация у подобного предприятия может оказаться подчас совсем неплохой, т.е. на рынке предприятие котируется. Чтобы не ходить далеко за примерами, я приведу таковые из российской практики. Скажем, из сферы издательского бизнеса: газета убыточна, но имеет при этом очень хорошую капитализацию, на рынке котируется, за неё идёт борьба. Подобная ситуация заставляет задуматься о логике современной экономической практики. И, прежде всего, констатировать ее выход за пределы собственно хозяйственной деятельности. Это уже не чисто хозяйственная, экономическая проблематика, хотя и создаётся прибыль, и задействованы вполне конкретные финансовые ресурсы, но при этом – рентабельности-то нет. А капитализация есть, есть и потенциальная возможность *получения дохода* от *нерентабельного* предприятия – от его продажи, к примеру, либо от продажи его части (акций)...

Но зададим себе еще более каверзный вопрос. А может ли быть предприятие рентабельным, но не иметь капитализации? Выясняется, что и такие случаи в современном мире имеют место быть. Чаще речь идет о предприятиях, действующих в теневой экономике и в криминальной сфере. Можно рассмотреть даже такой экзотичный вариант, как отсутствие и рентабельности, и капитализации у функционирующего предприятия, например, действующего в зоне публичного интереса (производство общественных благ, благотворительность). И не только. Это может показаться вызывающим заявлением, но, тем не менее, такие предприятия в сфере торговли (!) существуют в Москве, скажем, какой-нибудь бутик: прибыльность у него отрицательная, но никто его не собирается продавать, он не капитализирован, капитализации не имеет, тем не менее, это функционирующее предприятие. Тут надо смотреть в основания явления, чтобы понять его механику.

По ходу нашего рассуждения мы, в сущности, прочертили оси координат. (*Разворачивает плакат*). Это очень простая сетка, осями которой являются капитализация и рентабельность. Современные экономические операции нельзя измерять, руководствуясь лишь одной из этих двух шкал. Эффективность экономической операции есть функция, т.е. производная от обоих параметров, причем как в области положительных, так и отрица-

тельных оценок соответствующих величин (естественно, речь у нас идет о достаточно крупных субъектах экономической практики, а не о «свечных заводиках»).

Если мы оцениваем только рентабельность, – а масса предприятий работает именно таким образом и обращает внимание исключительно на рентабельность, текущую или, в лучшем случае, вкупе с будущей (т.е. работает с дисконтной геометрией чистых денежных потоков), – то с развитием производства и уровня амбиций, с расширением горизонта планирования приходится всерьез задумываться также о самостоятельной роли и об определенной автономности капитализации. В то же время существуют предприятия, которые не заботятся исключительно о рентабельности – конечно, в определённом смысле, т.е. не ставят единственно ее во главу угла и подходят к проблеме своего существования стратегически. Их основные усилия направлены на продвижение продукта, захват рынка, налаживание социальной инфраструктуры и оптимизацию системы связей, на повышение капитализации. Это, кстати говоря, в значительной мере характерно именно для формирующихся, развивающихся рынков, где существует «семантическая целина», неосвоенное (незанятое) пространство стратегических операций и ниш деятельности.

Таким образом, мы получили достаточно прихотливый график, отражающий ту или иную специфику реально функционирующих предприятий относительно двух столпов современной экономики: рентабельности и капитализации. График, отражающий заодно и реалии современной экономической/квазиэкономической практики.

Так что же такое капитализация? Определения приведены на последней странице, розданных вам материалов к лекции:

- рыночная капитализация – это *«сумма текущей рыночной стоимости заёмного и собственного капитала»* (и я добавил бы – *«с учётом отрицательной стоимости пассивов»*);
- рыночная капитализация – это *«произведение биржевой цены акций на их объявленное количество»*.

В данных определениях несколько смущает их механицизм. Если мы начинаем следовать этим прописям, то упускаем сегменты реальности, которые недостаточно исследованы, плохо отражены. Это своего рода Новый свет, но именно на этих неотчетливых землях, на смутных островах не вполне понятной реальности и создаются прорывные ситуации, выстраиваются оригинальные организационно-деятельностные схемы, завоевывается сверхприбыль, снимается некая рента за счёт освоения новизны. Точно так же действовали в своё время торговцы «дальнего плавания» и конквистадоры.

Мне представляется, что рыночная капитализация – своего рода универсальный дешифратор антропологической активности. Это в пределе. Что я понимаю под понятием *«универсальный дешифратор»*? Капитализация, рыночная капитализация – это попытка оценить в финансовых категориях любую форму человеческой деятельности, иначе говоря, это динамичная ипостась универсального, т.е. «тотального» рынка. Экономика отнюдь не всеобъемлюща, однако она покушается на многое и дерзает стать всем.

Экономическая практика – сложное, многоуровневое, семантически не вполне определенное пространство, и методы оценки должны не просто улавливать эту сложность, но отражать ее в виде определенного интегрального и одновременно практичного показателя, идя при этом на компромиссы. Современные методы экономической оценки, методы

профессиональной рефлексии специфичны. Скажем, валовой внутренний продукт – знаменитый ВВП, достаточно распространённое понятие, но внутри этого интегрального показателя существуют серьезные типологические различия, проще говоря, он структурно не вполне однороден.

Например, основная масса хозяйственной деятельности, производство товаров и услуг оценивается по тому, нужно ли производимое кому-либо или же это деятельность ради самой деятельности и ее результат не востребован обществом. То есть производство оценивается по тому, продан произведенный товар или не продан и если продан, то за сколько именно. Проданные товары и услуги оказываются объектами статистики и сумма полученных величин определяет ВВП. Вроде бы простой и понятный механизм. Если не вдаваться в детали. Если же вдаваться, то один из первых возникающих вопросов: а как обстоит дело с оценкой произведенных общественных благ, не прошедших сквозь рыночный фильтр: с образованием, культурой, наукой? Они также форма общественно полезной человеческой деятельности, результат которой отражается в ВВП, но оцениваются при этом он несколько по-другому: не по рыночной стоимости и не по цене продаж. Оценивается по затратам. Почему? У данной практики достаточно глубокие основания. Человеческая деятельность издревле делилась на частное предпринимательство, ориентированное на получение прибыли, и на вне рыночное производство общественного блага. Создание общественного блага есть прерогатива общества в целом, и это специфическое «производство» не всегда совпадает с интересами рынка, и потому не всегда может оцениваться в рыночных, стоимостных категориях. Однако включение результатов данного сегмента практики в интегральный экономический показатель есть социальный императив, что, конечно же, затрудняет задачу и нарушает однородность применяемых методов оценки. Отсюда определенная химеричность типологии современных методов расчета ВВП.

И тут возникает соблазн взглянуть с данной позиции на типологию самих предприятий (*enterprise*). Возьмем, например, заезженное, сплошь и рядом к месту и не к месту употребляемое понятие «корпорация», ведущее свою историю еще от средневековых цехов и коллегий. Корпорация – особое предприятие: это не есть исключительно частное предприятие (или партнерство), это предприятие, которое несет в себе определённые публичные, общественные функции и получает/обладает предоставленными обществом (сюзереном) определёнными привилегиями. Данная организационная форма оказалась весьма плодотворным типом предприятия, которое, интегрируя общественное, вне рыночное, и частное, рыночное, сформировало эффективно действующий механизм. Впоследствии завоеванные корпорацией привилегии (например, ограничение ответственности по долгам только имуществом предприятия) перешли также к другим агентам экономической практики. Но для нашего сегодняшнего разговора важно тут нечто иное: смещение горизонта в частнопредпринимательской деятельности от узкого ее толкования к более широкому, стратегическому подходу, интегрирующему, а не сепарирующему сложную субстанцию человеческой практики.

Для обновленного синтетического продукта потребовались и новые формы оценки. Для подобной оценки потребовался в свою очередь новый инструментарий. Обычные методы оценки капитала не охватывали новое поле. Какие дополнительные факторы позволяют очертить и соединить образовавшиеся разрывы? Если вы откроете предпоследнюю страницу розданных перед началом лекции методических материалов, то увидите два гра-

фика, отражающий динамику показателей, о которых идет речь (т.е. рыночной капитализации и суммарной бухгалтерской оценки активов предприятий), выстроенную на основе биржевого индекса Доу-Джонса.

Когда говорится, что на планете происходят радикальные изменения, то иногда кажется, что разговор ведётся о неких глобальных аспектах, и к экономической механике, к микроэкономике все это имеет, в общем-то, небольшое отношение. На графике, однако, вы видите доказательства не просто значительности расхождения между бухгалтерской оценкой активов и капитализацией фондового рынка, но вполне определенную *тенденцию* увеличения этого расхождения. Посмотрите, что происходит, начиная с восьмидесятых, а особенно с девяностых годов. В сущности, прежняя экономическая пирамида перевернулась: определяющим в экономической деятельности оказалось не само производство, а нечто иное. И понять, что именно – вызов человеческой пытливости и практической сметке.

Что я собственно хочу сказать? В представленном графике прописаны минимум две констатации. С одной стороны, серьезный разрыв между бухгалтерской оценкой активов и капитализацией фондового рынка (что само по себе примечательно), а второе – то, что с некоторого момента стоимость нематериальных активов ряда компаний значительно превосходит оценку их физических активов. Что же это означает? То, что «иные», «невещественные» факторы становятся *более влиятельными* агентами экономической деятельности, нежели традиционные экономические категории. Иначе говоря, мы действительно имеем дело с новой экономикой. Когда же случился этот переворот?

В экономической истории капитализма было несколько фазовых переходов. Первый серьёзный переход произошёл приблизительно в XVIII веке. До этого времени процветала торгово-денежная форма капитализма, которая пришла в упадок, перестав приносить прежний уровень доходов, и тогда созданная ранее конструкция потребовала радикальной перестройки...

Перед тем, как продолжить эту «повествовательную» линию, мне хочется взять небольшой тайм аут и высказать несколько соображений о природе капитализма. Слово *капитализм* настолько затёрто, что оно не воспринимается в своей специфической сущности. Кстати, понятие не такое уж древнее: Маркс им практически не пользуется (!), слово начинает широко использоваться в социологической литературе лишь на рубеже XX века. Но сам феномен имеет глубокие корни. И по поводу того, что такое капитализм, когда он возник, существуют серьезные расхождения. Как мне представляется, капитализм – это способ получения системной прибыли, что является по-своему ехидным определением, потому что если сказать то же самое, но по-иному, то капитализм – это вне рыночная форма деятельности. И действительно, когда, к примеру, Бродель анализирует капитализм, он говорит именно о его вне рыночном характере.

Капитализм – это построение в обычной рыночной среде (в пространстве «публичного рынка») некоей системной матрицы, которая носит характер «частного рынка», «рынка сговора» и форматирует соответствующим образом окружающее пространство, лишённое до этого момента генерального целеполагания. Попросту говоря, выстраивает проект, позволяющий устойчиво получать системную прибыль (сверхприбыль). Приведу простой пример. Скажем, существует рынок, на котором реализуют горшки: их привозят на рынок, продают, цены при этом устанавливаются в режиме «рыночной стихии» – сво-

бодной конкуренции. Но появляется энергичный агент, который скупает горшки (а еще лучше – берет под контроль, *интегрирует* их производство, разделяет функции данного производства на добычу и поставку сырья, производство изделий, их транспортировку), высчитывает и формулирует эффективную стратегию их продаж, перепродаёт в соответствии с ней товар на рынке, и сумма его прибыли заметно отличается от прежней суммы прибыли. Он получил сверхприбыль, и может экстраполировать ситуацию (и образовавшийся капитал) на другие виды деятельности. Но это уже не прежний аморфный и свободный рынок, это рынок, взятый «под уздцы», хотя и довольно-таки простым способом, но существуют ведь и другие, более изощренные методы. Поэтому вся экономическая история последнего времени была связана с борьбой между *public market* и *private market*.

И одновременно разворачивалась подспудная борьба за власть в этом мире, скажем так, между *Новым Карфагеном* и *Новым Римом*. Вспомним идеологию и практику анти-монопольного законодательства Соединённых Штатов. Государство стремилось окоротить обозначившийся вектор развития своего исторического конкурента. Но сегодня можно, кажется, констатировать историческую победу частного корпуса власти. Прорыв транснациональных корпораций на глобальную арену, их деятельность в условиях «отсутствия узды» на трансграничных просторах, «глобализация корпораций» (а заодно и то противодействие, которое она получает или не получает) – всё это тексты, написанные на языке современной власти, с пониманием прописей антирыночного и потенциально тоталитарного характера капитализма, его энергичного, системного характера, его способности перманентно расширять поле своей деятельности, выходя за пределы географических и материальных ограничений, но сводя при этом многоголосье человеческой практики к единой, последовательно реализуемой цели.

Вернемся, однако, к прерванному сюжету об исторической динамике капитализма. Итак, первый «разрыв», первая трансформация носит достаточно простой характер. Торгово-финансовый капитал в предшествующий период создавал обширные, транснациональные сферы деятельности... Вообще, надо сказать, между деятельностью торгово-финансового капитала XV-XVIII веков и современной геоэкономической ситуацией можно провести немало аналогий. Однако в то время отсутствовал важный фактор: не было глобальности (тотальности, целостности охвата пространства операций), была «зональность» сфер действия, что, конечно же, подрывало устойчивость создаваемой системы отношений. И, тем не менее, в трансграничной зональности уже присутствовали черты глобальной транснациональности торгово-финансовых трансакций нашего времени. В тот период были созданы такие удивительные и могучие финансовые инструменты, как государственный долг, национальный банк, ассигнация... Развивалась традиционная банковская деятельность, ведущая свою родословную от храмов и ювелирных мастерских. Пределом её компетенции в данном историческом сегменте был национальный банк; пределом компетенции в денежном обмене (и в деле порчи монеты) стало создание бумажной ассигнации. И, наконец, третий инструмент, влиятельный и мощный, – создание государственного долга.

Однако приблизительно к XVIII веку пространство торгово-финансовых операций начинает сжимать кризис, связанный с процессом становления национальных государств. Государство все эти виды чрезвычайно прибыльной деятельности начинает попросту забирать из рук частного капитала. И системный агент оказывается перед необходимостью

обретения нового предметного поля для экспансии своей деятельности при удержании прежнего режима доходности. И он его создает, и это была индустриально-промышленная деятельность.

Мы, – я имею в виду общественное, массовое сознание, – знаем капитализм преимущественно в одной его ипостаси, для нас промышленное развитие Европы с XVIII по XX век несет на себе клеймо капитализма, хотя капитализм – это всего одна из граней социального и промышленного развития, не в последнюю очередь связанного с инновационным характером культуры Модернити. Но, так или иначе, в первые десятилетия XX века мир капитализма подошёл к ситуации очередного серьёзного кризиса. Его суть состояла в том, что создание новых производственных мощностей, порожденных инновационным взрывом на рубеже прошлого века (и практическим освоением такого алгоритма деятельности, как конвейерное производство), привело к взрывному росту производительности труда, а в результате изготовление вещи стало в принципе дешевым процессом.

Начиная с некоторого момента, можно было производить практически произвольное количество товаров для произвольного количества антропологических объектов. И здесь возникла серьезная проблема, но не в сфере производства, а в сфере потребления, поскольку выяснилось, потребитель ограничен в своих запросах. И к тому же таковым, строго говоря, является не сам человек, а его платёжеспособная ипостась.

Производство преодолело ограничения (во многом физические ограничения), однако проблема платёжеспособного спроса встала на тот момент перед экономикой в полный рост. То есть, произвести можно было, а потребить нельзя. И возник кризис, и повлек он за собой Великую Депрессию... Хотя какие-то драматичные ситуации отчасти были, судя по всему, сознательно спровоцированы (спроектированы). Но это связано уже с иной последовательностью событий и действий, с иным логическим рядом, с возрождением в XX веке, причем феноменально быстрым, финансовой экономики. Всем, кого этот вопрос интересует, я посоветовал бы обратить внимание на такое постиндустриальное предприятие (хотя оно и возникло еще в начале прошлого века, в 1913 году), которое многое могло бы поведать о специфике финансовой деятельности как постиндустриального производства, – я имею в виду Федеральную резервную систему США. Это весьма многослойное и интригующее предприятие, которому даже для его беглого анализа следовало бы посвятить отдельную лекцию.

В новой, постиндустриальной экономике на первое место выходят производство услуг и прочие нематериальные факторы, финансово-правовые технологии. Кстати, доминирование платежеспособного спроса над производством предопределило также стремительную экспансию таких постиндустриальных технологий, как, скажем, маркетинг и реклама. Отсюда появление и таких форм организации экономической практики, как искусственный спрос, престижный спрос, создание химеричных форм форсированного спроса, например, моды. мода, на первый взгляд, простое понятие, которое у нас вызывает ассоциации разве что со Славой Зайцевым или, скажем, Ивом Сен-Лораном. Однако мода – это еще и колоссальный по значению экономический агент, который позволяет стимулировать потребительские гиперинтенции, придавая им вполне социализированный облик, вводя в практику повседневной жизни модели престижного спроса, искусственного спроса, в контексте которых экономическая деятельность частично разворачивается уже в символиче-

ских категориях. И служит, в конце концов, основанием для грандиозной социальной реформации XX века – создания основ «общества потребления».

Наконец, мы подходим к тому рубежу современности, за которым она превращается в иную историческую субстанцию – в постсовременность. На данном рубеже возникает ещё более интригующая и даже отчасти загадочная ситуация. До этого момента законы практики были более-менее прописаны, мы видели истоки процессов и становление ситуаций, нам были в общем и целом понятны даже те дополнительные факторы, которые подчас остаются за рамками писанных законов, однако то, что происходит сегодня, уже далеко не столь внятно, порой эскизно, дискретно, уникально.

Прохождение постмодернизационного барьера предопределило, в частности, обновление форм социальной организации, появление нового поколения парapolитических организмов. Здесь, пожалуй, можно выделить *две ветви* феноменов, которые различаются достаточно заметным образом. Одна связана с процессом экономической транснационализации, который резко усилился с выходом индустриальной мощи государств за пределы национальной территории, что привело к образованию транснациональных корпораций, банков, других аналогичных организованностей, появлению контура глобального *геоэкономического мироустройства* – этой третьей формулы капитализма (после торгово-финансовой и промышленной). Другая же тенденция связана с формированием в рамках постиндустриального уклада динамичной и паразитической *культуры амбициозных корпораций*, являющихся в настоящее время действенными агентами перемен и обладающих собственным историческим целеполаганием.

Экономика в современном мире во многом выполняет управленческие и властные функции, а власть участвует в решении вполне экономических задач. К тому же и то и другое нередко осуществляется за пределами национальных территорий. Иначе говоря, геоэкономическая конструкция, которая выстраивается в мире, транснациональна и глобальна, хотя и привязана к определенным географическим зонам (выполняющих в этой логике роль своеобразных геоэкономических терминалов). Алгоритмы финансовой экономики также подводят к созданию глобальных институтов регулирования. То есть мы привыкли к тому, что экономическая практика привязана к той или иной территории, будь то государства древности или национальные государства Нового времени. Сейчас же возникает контур иного пространства операций, глобального и многомерного (что связано с темой управления рисками и вообще с проблемой контролируемого хаоса). Здесь возникают формы глобальных, виртуальных технологий, которые безразличны к границам территорий и даже – к физическому пространству.

Что, прежде всего, необходимо было выстроить на планете, руководствуясь прописанной логикой? Постиндустриальную оболочку всей совокупности финансовых операций: глобальную инвестиционно-налоговую систему в виде института мировых денег, механизм перераспределения мирового дохода и ресурсов в виде перманентных платежей национальных государств за пользование глобальным долгом. Следующий элемент – создание глобальной страховой системы, затем – создание глобальной системы безопасности, в том числе безопасности геоэкономического организма. И, наконец, деятельное управление рисками, причем не столько страхование рисков, сколько именно управление ими: иногда это может быть и форсирование рисков, перенесение их с одних территорий на

другие, с одних агентов на других и т.п. Геоэкономический космос – достаточно сложная, многоуровневая и полифоничная конструкция.

Но здесь возникают опасности чрезмерности масштаба, проблема куска, *«который можно откусить, но трудно проглотить»*, опасности неконтролируемой нестабильности, перманентной неопределенности. Несколько лет назад в специальной литературе начались дискуссии о дестабилизирующем потенциале дериватов (вторичных ценных бумаг/производных финансовых инструментов). Их сменила тема кризиса цифровой экономики, затем обсуждалась угроза дестабилизации фондового рынка, а в самое последнее время – кризисная ситуация с долларом, угроза реконфигурации сложившейся валютно-денежной системы, будущего экономики США...

Что же такое риски? Привычные формы банковской деятельности (кредитная политика) были традиционно связаны со своеобразной колонизацией будущего. Развивая систему кредитов, финансовая экономика достаточно монотонно осваивала тот продукт, который еще не был создан, те энергии, которые еще не были проявлены, но их следствия уже были вписаны в виртуальную бухгалтерскую отчетность. С рисками дело обстоит несколько по-другому. Здесь мы осваиваем сразу несколько альтернативных реальностей. В этот спектр возможного, мы вписываем разнообразные ситуации, различные состояния, а потом наиболее влиятельный агент вырабатывает оптимальный маршрут между данными ситуациями, выявляя зоны максимальной рентабельности. Можно применять при этом и стандартные технологии: фьючерсы, опционы и т.п. Это и вызывает удивление: с одной стороны, в экономике разработан достаточно привычный инструментарий, хотя мы и понимаем, что это не вполне обычный инструментарий, а определённый «кодекс целеполагания», и сопрягается он не то чтобы с совершенно чуждыми ему пространствами, а просто с пространствами, которые ему не принадлежат.

Здесь я позволю себе сделать еще одно, наверное, последнее отступление. Возникает «гамлетов» вопрос, кто управляет практикой, в чем ее целеполагание, и зачем, собственно, существует человек. Причем вопрос этот в современном мире оказывается все же не *умозрительным*, философским, а *практическим* и актуальным. Потому что схожие в практическом плане оси координат можно строить по различным гуманитарным (миро-строительным) основаниям, скажем, одна ось – «благодать», другая – «финансы». И мы, возможно, увидим между этими несовпадающими концепциями мироздания нечто общее. Это вопрос выбора мировоззрения: глобальная революция, разворачивающаяся в мире, прежде всего, переворот в сфере мировоззрения, включая крушение доминантных прежде позиций протестантской этики, – то есть революция сознания.

Я избегаю вовлекать в наш разговор язык и предметность теологии, но и просто проигнорировать данную проблематику не могу, главным образом из-за того, что именно в этой области находятся основания цивилизации. Но, отчасти, еще и потому, что между «благодатью» (так, как она описывается в теологии) и «финансами» (как они описываются в экономической литературе) существуют странные *технологические* совпадения, аллюзии, аналогии. Недаром у истоков протестантской этики – а где-то здесь, если верить Макс Веберу, находятся и корни «классического» капитализма – лежит труднопереводимое понятие *«беруф»*, означающее призвание (род благодати), которое проявляется в деятельной судьбе человека, в исполнении им своего предназначения, что подтверждается (или не подтверждается) успешностью действий и соответствующим статусом в мире. Недавно в

России проходили празднества в честь Серафима Саровского, и часто упоминалось его высказывание о стяжании благодати, механизм действия которой в некотором, весьма парадоксальном смысле, напоминает свойства субстанции финансов... Благодать стяжается, люди вокруг спасаются, благодать позволяет производить серьёзные изменения в мире, перестраивать этот мир, придавать ему иной облик... Но те же самые слова, правда, с другим наполнением, однако с той же «синтактикой», мы можем применить и по отношению к финансовой деятельности. Финансы – это ведь не деньги, не бумажки, это нечто иное – особым образом аккумулированная человеческая энергия.

Когда вчера шёл разговор о капитале, возник вопрос, что собственно считать капиталом. То есть мы понимаем, что капитал – это, с одной стороны, нечто определённое, обладающее ликвидностью, то, что можно переводить во вполне конкретные деньги. Мы понимаем, что капитал – это нечто такое, что само возрастает. Если же оно не растёт, то это не капитал, а сокровища, которые фактически заперты «в сундуке». Мы понимаем, что капитал создаёт эту самую «дельту» и так далее. Иначе говоря, мы понимаем, что капитал есть нечто вещественное, материальное. И в то же время, капитал – это энергия, «движитель» потоков человеческой деятельности, человеческих судеб. Направляя капитал на те или иные предметные поля, мы преобразуем мир, исходя из своей, субъективной воли. Ибо у любого значительного финансового потока есть свой финансовый оператор, который действует, исходя из соображений практической выгоды, но лишь до определённого предела, потому что в современном мире сумма всех обращающихся средств (я возвращаюсь к теме глобального кризиса) все-таки не находит себе достойного применения.

Основная проблема современной экономики – отсутствие новых предметных полей деятельности. В экономике накоплен мощный импульс: создан промышленный потенциал, аккумулирован финансовый ресурс, но это всё – исходный материал для чего-то нового. Кризис же возникает, когда появления того, к чему подводит логика предыдущей практики – *полноценного разрешения ситуации*, не происходит, когда накопленные средства остаются без применения, когда возникает фрустрация и *«вино превращается в уксус»*, а богатство начинает обеднять, развращать и разрушать мир.

Так, зашатались акции промышленных предприятий «старой экономики» в Соединённых Штатах, поскольку производство не находило новых областей деятельности, потом кризис постиг временно выстроенную плотину – паллиативную конструкцию «цифровой экономики», наконец, под угрозой оказалась выстроенная глобальная финансовая система, впадая в состояние неопределённости и нестабильности, балансируя между кратковременными взлётами и усиливающейся инерцией дестабилизации... Несколько сот миллиардов «горячих долларов» бродят по миру, готовые в любой момент ринуться в ту или иную сторону, и умные финансовые операторы время от времени избирают регион, куда это стадо бизонов понесётся, производя при этом определённую реконфигурацию финансово-экономического поля. Это стадо в какой-то момент может быть направлено и на США, и на весь мир, «реконфигурировав» его неким принудительным образом. В какую сторону и как направить – весьма острый вопрос. Но, как писали незабвенные братья Стругацкие: *«это будет уже совсем другая история»*...

Можно продолжить разговор в интерактивном ключе, но свое рамочное «рассуждение на тему» я, кажется, завершил.

ТЕХНОЛОГИИ АМБИЦИОЗНОЙ КОРПОРАЦИИ*

(ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ 20.08.2002)

...Обозначенное в реестре мероприятий название выступления, сформулировано мною, пожалуй, под воздействием минутного каприза, надеюсь простительного, и, в общем-то, отличается от того рассуждения, которое хочу реально произвести на свет. Обычно название лекции, так или иначе, ориентирует слушателя на центральную тему дискурса. В нашем случае дело обстоит несколько иначе, ситуация, пожалуй, даже по-своему экстравагантна: приведенное название представляет, скорее, некий смысловой трамплин, причем, трамплин, частично сколоченный из негодных досок, так сказать, «трамплин с фальш-панелью». Мне, однако, хотелось получить именно эту стартовую конструкцию по причинам, которые, быть может, станут более понятными к концу разговора. Итак, обозначенное в программе название лекции: «*Технологии амбициозной корпорации*».

Смысл рассуждения на данную тему я вижу в следующем. Мы живем в предчувствии появления универсальной новой технологии. Причем технологии принципиального характера новизны, поскольку кризис, в котором находится на сегодняшний день цивилизация, системен и проявляется в самых разных обликах. Возможно, это будет новый язык, универсальная ментальная рекогносцировка, возможно новый субъект, агент действия, так или иначе персонифицированный импульс перемен, быть может, некий удивительный акт, трансцендирующий наши представления о возможном и допустимом.

В качестве предательской точки опоры цивилизации, зоны ее откровенной слабости, я вижу кризис *предельной компетенции*: сама историческая логика Модернити (идея прогресса, рациональность, причинно-следственные связи) и обоснованная ею социальная траектория (демократическое мироустройство, национальный суверенитет, гражданское общество, средний класс) терпят или уже потерпели крах. То есть все сильнее становится ощущение, что выход из ситуации в прежних смысловых/ценностных категориях иллюзорен. И разрешение кризиса, скорее всего, будет связано с приходом в мир некоего предельного опыта, изменения модели и типологии мышления, радикального переосмысления прежней либо создания совершенно иной ценностной ориентации; в общем, приобретения опыта катастрофы и трансценденции, хотя перед этим мы, возможно, испытаем еще стремительное скольжение и удивительный полет над обрушающимися конструкциями...

Другой мыслительный импульс, который подвиг меня на сегодняшнее выступление, заключается в том, что я, быть может, отчасти все-таки понимаю, где истоки той стремительной новизны, которая станет, или, по крайней мере, попытается стать, альтернативой для растерянного семейства нынешних смыслов. За подробностями отсылаю к статье «*Трансмутация истории*», публикуемой в выходящем недели через две сентябрьском номере журнала «Новый мир», или к опубликованной в начале года (в журнале «Вос-

* Лекция была прочитана в Школе по методологии «Технология и технологизация» Университетской корпорация «Школа культурной политики» (Болгария, Альбена 19-28 августа 2002 г.).

ток» №1) статье «Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности». Так или иначе, но в воздухе ощущается ожидание стука в дверь с последующим появлением на пороге чего-то или кого-то наподобие энергичного, амбициозного, слегка загадочного коммивояжера с волшебной дудочкой или черным, щелкающим ящиком в руках.

И последнее. Памятуя опыт заглавной лекции Вячеслава Леонидовича Глазычева, «страха ради иудейска» (т.е. в практическом аспекте) я бы добавил к названию сегодняшнего своего опуса скромное «*К вопросу о...*». Поскольку исчерпывающе раскрыть то, что заявлено в титуле лекции, я – как, надеюсь, понятно из этого краткого вступления в тему – не смогу, да, в общем-то, и не собираюсь.

1.

Генеральный объект нынешней Школы и приводной ремень для сегодняшнего рассуждения – понятие технологии (и технологизации), которое мне хотелось бы извлечь, развернуть и исследовать. Но развернуть, таким образом, чтобы продемонстрировать его нутро в четырех проекциях (фокусах).

Первый фокус – это экспликация пространства соответствующего дискурса, импрессионистичное «огораживание» его территории, установление рамок. То есть, первые лекции Школы по сути устанавливают пространство со-общения, рабочую площадку, «ринг» будущего анализа и дискуссии. От того, как установится понятийный аппарат в этих первых прогонах, будет зависеть успешность последующей работы. И я хочу воспользоваться преимуществами исходной позиции.

Второй фокус – генезис понятия технологии, и это уже проблема исследования оснований, то есть попытка приблизиться к глубинным истокам, исторически и гносеологически различимым корням данной категории.

Третий фокус – своего рода видовая генетика данной категории, прочитанная как различение ее исторических и цивилизационных форм и обликов, ибо по-разному сконструированные технологии сливаются для нас в едином процессе человеческой деятельности. Представляя при этом наложение продукции различных моделей мышления, дифференциация которых на практике, как правило, не производится, оттенки мотиваций не улавливаются, а разнообразие технологий сводится, в конечном счете, к сугубо инструментальному аспекту и прагматично понятой эффективности.

Наконец, четвертый фокус – сжатое до элементарной модели поле актуальной практики, сжатое до сгустка протоплазмы зарождающихся мутаций. И какие бы странные флуктуации человеческой деятельности мы при этом ни наблюдали, если они системны в пространстве и устойчивы во времени, рано или поздно энергичные уродцы будут легитимированы самой жизнью.

«Что же такое технология?» – возникает почти что детский вопрос. Вопрос чуть ли не центральный для сегодняшнего разговора, и ответ на него проще начать с расхожих, энциклопедических определений, которые, как и любая тривиальность, обладают несомненной силой.

То есть, просто сказать «технология – это есть сумма неких операций» будет, конечно, недостаточно. Но начнем повышать градус: «технология – это сумма операций,

нацеленных на достижение определенного результата» (уже теплее, но и так, понятное дело, недостаточно сказать). Попробуем еще раз: *«технология – это устойчивая сумма формализованных операций, нацеленная на достижение определенного результата»*, т.е. технология должна обладать определенной обезличенностью, воспроизводимостью и вариативностью, ее можно повторять в иных условиях. Из этого проистекают ее органичные достоинства и недостатки, важно, однако, – что это ее *определяющие свойства*, все остальное в сфере деятельности – та или иная степень импровизации, успешность либо неудача поисковой активности – суть другие формы человеческой практики. Технология достаточно механистичным образом укладывает обретенные знания в решение конкретных задач, обезличивая предыдущие откровения и мультиплицируя их результат.

А что такое технологизация? Технологизация – производное от технологии и поэтому, пожалуй, более простое понятие: технологизация покоится на плечах технологии, она матрицирует ее достижения и привносит технологии в ранее не охваченные ими процессы и пространства деятельности. Существует единое поле человеческой практики – пространство операций, где действия могут совершаться двояким образом: могут «методом свободного тыка» (импровизация, «просто деятельность»), а могут путем затребования извне формализованных алгоритмических пакетов, т.е. систем действия, которые ранее были придуманы, формализованы и упакованы определенным образом. Если пространство деятельности последовательно заполняется подобными пакетами, то мы получаем процесс технологизации.

Но хочу теперь вновь вернуться к рассмотрению понятия технологии. Исчерпывается ли ее предметность тем определением, которое я приводил ранее, т.е. что *«технология – это устойчивая сумма операций»*, направленных *«на достижение определенного результата»* и к тому же *«хорошо формализованных и отчуждаемых»*. Есть ведь и другой, «вертикальный», аспект понятия технологии, который переводит его в ранг проблемы. Ведь та самая *-логия*, которая не слишком ощутимо присутствует в понятии *технологии*, намекает на эпистемологический, рефлексивный аспект данной категории. То есть, это не просто некий пакет алгоритмов-практик, но также сумма неких устойчивых свойств самого пакета (независимо от его конкретного содержания). Разница для нас – существ прагматизированных и «отформатированных» современной жизнью – прямо скажем незначительная, о ней можно было бы даже забыть, но если все же задаться целью проследить генезис понятия, то увидим: эта самая *-логия* – существенный рудимент прежнего понимания технологии, ее статуса как определенной формы знания, идущего от структурности (типологии) человеческого знания вообще (и входящей в нее значимой категории *технэ*). Структурности, которая была сформулирована свыше двух тысячелетий назад.

Место технологии расположено между случайностью и природной закономерностью. Природа в своем идеальном (модельном) облике следует по определенным правилам (процедурам) неким неизменным константам, иначе говоря, несет в себе определенные законы, случайности рождают девиации и турбулентности, а человек, опираясь на первый и второй источник бытия, производит в мире какие-то организационно-деятельностные конструкции (практику). Иными словами, человек, создает для себя и природы своеобразный протез, производя искусственное (искусное) приспособление к жизни, стремясь при этом к ее трансценденции, преодолению, или, точнее сказать, к ее изменению и приспособлению для собственных нужд. Конечно, большой соблазн завести

разговор о технологиях, созданных в принципиально иных культурах и других системах мышления, т.е., к примеру, о технологиях архаичного мира, но правильно ли это будет? Мы рискуем в этом случае сознательно или бессознательно перенести современный, «технологический» взгляд на практики, на деле лишённые привычного нам содержания.

Приведу пример, чтобы почувствовать вкус того, о чем, собственно, идет речь. Описывая систему отношений архаичных племен (которые и до сего дня сохраняются на планете), «операции обмена», свидетели прибегали к такому понятию как «торговые операции». Но более глубокое исследование тех же самых действий привело к пониманию их иной природы: оказывается, все это было «системой взаимных подарков». Но с точки зрения современного человека этой, сущностной стороной дела можно и пренебречь, вынести ее «за скобку», и рассматривать процесс в деталях именно как торговую технологию. Однако тем самым обезличивается и истребляется то специфическое, что содержится в сумме этих действий. Но я оставлю за рамками сегодняшнего разговора архаичный мир с его «тараканами», мир, где господствовали иные, подчас весьма иные, системы мышления, и перейду к классическим временам, откуда можно уверенно проследить генезис современного понятия технологии. К тем временам, когда сложилась прочная система знаний, которая, в тех или иных версиях и формах, сказывалась и присутствовала во всей дальнейшей истории цивилизации.

Вячеслав Леонидович уже ссылался на Платона, теперь, мне кажется, имеет смысл вспомнить также об Аристотеле, великом человеке, который ввел в мир определенный категориальный аппарат (причем таким образом, что это фундаментальным образом сказалось на истории цивилизации), а заодно утвердил целостную систему мышления.

В своем универсальном органоне Стагирит касался проблем технологии, точнее, понятия технологии все-таки тогда не было, была такая категория, как *технэ*. Перевод этого термина способен ввести в заблуждение: когда в древнегреческом оригинале встречаешь слово *технэ*, то в русском тексте присутствует «искусство». Может быть, точнее было бы сказать искусность (как мастерство, со-творение). Можно попытаться смоделировать определение в этих категориях: «*технология – это искусство творческой (ремесленной) операции*», но мы внесем тем самым заметный градус кривизны, по отношению к тому смыслу, который вкладывался в Античности в понятие *технэ*.

У Аристотеля знание делилось на три группы. Знание теоретическое, куда, по сути, сводилось три дисциплинарных поля: философия, математика и физика. Второе пространство знания было связано с человеческой практикой, и оно также не богато дисциплинами. Причем содержание данных дисциплин осовременено нашим сегодняшним их восприятием: это этика, но не в нашем сегодняшнем понимании этика, а этика как основа практических отношений, как житейская мудрость и политика, которая включала в себя экономику, а последняя – пространство свободных финансовых операций: хрематистику. И, наконец, третье пространство знания, которое как раз неразрывно связано с категорией *технэ*: искусство, искусность, мастерство, точнее ремесло как мастерство, как рафинированная ипостась практики – набора приемов, умений, навыков – которые можно обрести в рамках того или иного занятия, рода деятельности.

Если ту же самую триаду, рассмотреть несколько иначе, то теоретическое знание или *bios theoreticos* (*жизнь созерцательная*) можно свести к познанию всего сущего в своих основаниях. Второй тип знания, знание практическое, также можно свести к управлению

людьми (включая себя самого) и событиями, это искусство управления, знание закономерностей и особенностей умного управления. В этом пространстве не слишком явно присутствует понятие государства, (чуть позже я на этом остановлюсь). И, наконец, *технэ* как низший разряд знания: род практического знания – пространства, где познание закономерностей сливается с опытом деятельности, результирующим в понятии мастерства. А заодно присутствует и такой «высокий» для нас вид деятельности, как творческий акт. Творчество в том понимании относилось не к жизни созерцательной, а к жизни практической, и соответственно к низшему виду знаний.

Еще кое-что можно сказать о семантике понятия технология. Понятие *технэ* достаточно хорошо разобрано, но у технологии есть и другой корень, то есть корень тот же, но уже с другим маршрутом. *Тэк* – это латинский корень, который присутствует в понятии *тэкса* и означает «действие с материей», причем как с тканью, так и с материей в достаточно широком смысле, в его значениях присутствует понятие, скажем, деревообработки. Например, слово «топор» ведет свою этимологию от этого же корня. А в современном языке данный корень удивительнейшим образом сохранился в слове «текстиль», здесь этот корень (*текса*) хорошо слышится.

Однако еще выразительней этот корень проявился в слове *текстон*. *Тектон* как плотник, строитель, архитектор, и во второй части слова «архи-тектор» мы явственно ощущаем его присутствие, и еще явственнее – в слове «архитек-тоника», где, кстати, уже сопричастствуют такие смыслы как планирование и управление. То есть, понятие взаимодействия с материальным миром начинает производить, «выстраивать» целое древо сопредельных категорий, которые все вместе определяют свод практической деятельности, включая действия, связанные, в том числе, с планированием (операций), со стратегированием. И крайнее понятие, которое зафиксировано в этом ряду, это – махинации, они также находят себе место в сложном комплексе практических действий. Данное семантическое русло прослеживается далее через греческое *техникo* к латинскому *техникас*, и, наконец, лексический ген трансформируется во французское *тэчник*. И вот здесь мы получаем, наконец, то содержание слова, которое непосредственно порождает понятие *технологии* и весь круг его современного словоупотребления (технологизация, технологичность, технополис и т.п.).

В современном мире понятие технологии претерпело ряд модификаций, вследствие возрастания ценности созидательной, практической, *технической* деятельности. Иначе говоря, прежняя шкала оценок знания некоторым образом опрокидывается, знание теоретическое в современном своде наук играет роль «почетного президента», утрачивая прежнее положение, но сохраняя при этом некоторые знаки прежнего высокого статуса. Практические же науки сливаются с областью технологических операций – интенсивным и профессиональным воздействием на материю, общество – происходит, таким образом, сближение двух других видов упаковки прагматичного знания. И выражается это, в частности, также в формировании специфических «пакетов операций», связанных с общественной практикой, т.е. формируется пространство социогуманитарных технологий. Наука превращается в организационную мегамашину по производству востребованного обществом знания. А технология становится «ученым секретарем» прикладного знания и универсальным интегратором пространства практических операций, мы видим, как процесс технологизации в какой-то момент, в сущности, пронизывает весь человеческий космос.

Оговорюсь, что сама по себе технология не несет ответственности за выбор того или иного пути (это – сфера политики) и даже за техническое решение поставленной проблемы (это – поле исследовательской стратегии либо оперативно-тактической деятельности), но лишь за технику исполнения. Если только... и выбор пути, и техническое решение не были «изготовлены» в соответствии с той или иной технологией принятия решений.

2.

Я обмолвился, что вернусь к теме государства у Аристотеля. У Аристотеля смысл блага в практической деятельности сводится, в сущности, к общественному благу и далее – к государству, как к выразителю этого общественного блага. Смысл же той революции, которая происходила при смене античности новой цивилизацией, определяется тем, что центральным понятием космоса (как сотворенного, так и социального) оказывается личность, то есть мир персонализируется. Личность при этом становится не просто равноположенным субъектом практики по сравнению с государством, но в своей потенции она есть нечто, превосходящее и государство, и весь космос.

В таких реалиях современного мира, как права человека, суверенитет личности – и даже в таких двусмысленных социоконструктах, как, скажем, «гуманитарная интервенция», – нам явлена совершенно определенная логика и иерархия отношений личности и государства. Государство в настоящее время постепенно начинает отходить, по целому ряду своих претензий и функций, ... если не за кулисы, то, по крайней мере, на второй план истории. Но как тогда объяснить наблюдаемый парадокс: становление деперсонализированного «массового общества», его дегуманизированной технологической оболочки, которая органично тяготеет к утопии и тоталитарности, выстраивая мир исключаящий человека и возвышающий машину, и все это, однако же, происходит в рамках культуры, в основаниях которой лежат совершенно иные принципы? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы вновь должны обратиться к истокам, но уже не античным, а к началам современной цивилизации.

Современная, христианская цивилизация – как интегратор двухтысячелетней истории – демонстрирует набор принципов, радикально отличных от норм прежней культуры. Ее социокультурные начала сохраняются – с теми или иными вариациями – при различных версиях и вариациях прочтения этого культурного текста. Одну из качественных характеристик данной цивилизации я уже называл – это *персонализм*, возрастающая роль личности как субъекта социального действия и истории. Другая ее составляющая, пожалуй, даже более актуальна в контексте разговора о технологиях: для христианской культуры характерен совершенно оригинальный тип ментальности – *нелинейная* и *антиномийная* логика, специфичное понимание природы бытия, роли личности и целеполагания общества.

В Средневековье новая культура решала колоссальную задачу по преодолению обрушившейся на Европу социальной деградации. То есть, того разрушения, которое было связано, с одной стороны, с исчерпанием компетенций античной цивилизации, а с другой – с последствиями великого переселения народов, сопровождавшегося стремительной варваризацией общества. Цивилизационный текст в Западной Европе был, в конце концов, переписан заново, практически с чистого листа. Даже возвращение сохранившихся от прежней цивилизации культурных богатств, в значительной мере, произошло позднее (в

начале второго тысячелетия) и через посредников (мавров и наследие Византии). Для внешнего наблюдателя, однако, футуристическое, конструктивное начало, выстраивающее совершенно особый мир, новую цивилизацию, было совсем не очевидно. Но в этом мире возникали свои, внутренние источники инноваций, ковались новые производственные техники и социальные технологии.

Одновременно, в этот транзитный период, когда одна цивилизация перестала существовать, а другая еще не сформировалась, сохранялись рудименты технологической культуры. Ряд достижений прежней цивилизации сохранились в монастырях – это вполне доказуемый тезис, вызывающий, однако, подчас удивление. Там же создавались и генетические начала нового цивилизационного круга. Оснований для этого у монастырского образа жизни было множество: ментальная культура, императивы хозяйственной деятельности, причем, особым образом поставленной, которая должна была обеспечивать не только текущие нужды, но определенный избыток для паломников и нуждающихся. И, кроме того, императивы специфических видов деятельности: образования, детального измерения времени, строительства сложных объектов (храмов) и так далее. Технологическая культура была востребована при этом, также и в других, подчас экзотических формах: изготовление сыров, вин, представлявших вполне высокотехнологичные процессы того времени. Этап Средневековья, конечно важен для развития технологий, здесь я совершенно согласен с Олегом Игоревичем, когда он привлек ваше внимание к данному периоду.

Что происходит дальше, когда заканчиваются «темные века», раннее Средневековье, и наступает второе тысячелетие истории христианской цивилизации? В Западной Европе разворачивается системная революция: сельскохозяйственная, демографическая, экономическая, политическая, городская, культурная. «Технологический пакет», созданный в период «темных веков» на основе целого ряда инноваций (хомут, подкова, стремяна, упряжка цугом, кривошип, троепольная система земледелия и т.п.), принес впечатляющий результат – резкое увеличение производства продовольствия, взрывной рост населения в Западной Европе, урбанизацию и развитие городской культуры, приватизацию имперской власти кастелянами и коммунами. Скачкообразно возрос спрос на светское образование: юриспруденцию, медицину, свободные искусства и на разнообразную интеллектуальную деятельность, в принципе. В динамичной атмосфере тех дней складывались особые квази-цеховые организации – интеллектуальные корпорации того времени: коллегии, университеты. (К тому же крестовые походы, реконкиста и кризис в отношениях с Византией серьезно подорвали возможности получения образования в ареалах других культур.) Появляется такая форма ментальной культуры, как схоластика, т.е. «сколы» – с(к)оластика, именно как «школярство», «ученость» (*scholarship*). В этом понятии присутствуют и образовательная культура, и развитие многочисленного семейства интеллектуальных технологий....

Композиция икономии спасения оказалась, однако, весьма динамична и прихотлива. И с какого-то момента, миновав бурные воды футуризма и архаики, цивилизация попала в ловушку эффективного упрощения реальности, вернувшись к умозрительной истинности аристотелевой логики, вроде бы уже поверженной к тому времени нелинейной логикой христианства. Катафатический императив в союзе с подобным эффективным упрощением невыносимой сложности бытия снизили степень персонализма и энергичности христианского мира, а томизм в своей категоричной правоте сокрушил правду *миннэ* Про-

ванса. Основные постулаты упрощенного толкования бытия были восприняты обществом; вводились они также и форсированным порядком: «крестовопоходным» и «инквизиционно-тоталитарным». Хотя, надо сказать, форсаж был все-таки направлен не против самого нелинейного, антиномийного и персоналистичного прочтения христианской культуры, а против живых элементов традиционной культуры, против суеверий, то есть, этот аспект конфликта развивался по несколько более извилистой траектории. И все же драматичное столкновение открывшейся сложности бытия с возможностью ее эффективного упрощения – и соответствующей трансформации – привело к тому, что познание законов антиномийности и нелинейности «заснуло» до XX века. Что в свою очередь привело к сужению адаптивных возможностей цивилизации, к ее все чаще проявлявшейся склонности к уплощению, ригидности, прагматизму, и, наконец, тоталитаризму механистичных и утопичных схем бытия.

Что же происходит в это время с другой версией европейской, христианской культуры? Там развиваются по-своему не менее интересные процессы. Потенциально наиболее революционным был развитие особой культуре мышления, чреватое генезисом новой культуры (и, в частности, специфического семейства гуманитарных технологий). Иначе говоря, та система мышления и та логика, которые получили столь впечатляющее развитие в западноевропейской схоластической культуре, не были единственным вектором движения христианской цивилизации и формой мышления человека новой эпохи. Особенно впечатляющим и перспективным направлением поиска было развитие апофатичной и персоналистичной системы мышления в культуре исихазма.

Одним из ярких различий между европейскими Западом и Востоком была склонность, «пристрастие» к катафатическому или апофатическому типу богословия (т.е. позитивному, «языковому» познанию высшей реальности и «негативное», личностное ее осознание). Иначе говоря, то, чего позволяет достичь формальный, логический аппарат в первом случае, и персональный, антиномийный подход во втором. Исихазм интенсивно развивается в Византии примерно в тот же период, что и интеллектуальная революция в Западной Европе: с XI по XIV-XV века, а в XV веке империя прекращает свое существование. И вот этот культурный ген, который представлял иную версию христианской культуры, и который позже оказывается востребованным современностью (причем, востребованной в том числе и в весьма практических целях), был не то чтобы утрачен, но начал проваливаться куда-то в антропологические глубины, оставляя невоплощенными земные композиции исихастского безмолвия.

Россия в этом смысле не вполне наследник Второго Рима, она многое унаследовала от Византии, но боюсь, основной дар был утрачен: в реальной российской истории данная линия (представленная Нилом Сорским и культурой нестяжательства) оказалась прерванной, от чего также проистекло много следствий. Прочтение кодов социальности и экклезиологии на молчаливом языке не состоялось...

XX век начинается с каскада изобретений, которые с одной стороны знаменуют апофеоз соответствующей культуры мышления, а с другой – демонстрируют пределы ее компетенции. Выяснилось, к примеру, что многие положения физики (квантовой), а также, скажем, реальная логика социальных процессов не укладываются в рамки сознания, сформированного в контексте культуры Просвещения и Нового времени. Что это для нас означает? То, что категориальный аппарат, тип ментальности, который укоренился в челове-

ском сознании, не отражает ряд сущностных манифестаций реальности. Современный физик не может представить то, что он исследует, но исследует он это не каким-то интуитивным образом, а вполне рационально, используя такой жесткий инструментарий как эксперимент и математика, однако полученный результат «не укладывается в сознании». Современное понимание свойств окружающего мира, рациональность исследовательских действия и внутренняя логика исследователя в значительной мере не совпадают. Это не просто кризис культуры – это кризис ее рамок, проявление предела компетенции.

Все эти несовпадения, однако же, странным образом напоминают нам о тех нелинейных, антиномийных кодах, которые христианская культура последовательно развивала в первом тысячелетии. И в значительной мере утратила во втором. Иначе говоря, ментальный результат тринитарной догматики, плоды и универсальные аппликации халкидонской полемики, (т.е. попыток установить истинный характер такого «отвлеченного объекта» как природа Богочеловека), – все это оказалось впоследствии где-то на периферии сознания. Одна природа и две личности, одна воля или две воли, – как все это соотносится? А ведь об этом в свое время дискутировали на византийских базарах. И знаменитая формула, *томос* папы св. Льва Великого: «...*в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого...*» – эта четырехчленная формула показывает как раз присутствие совершенно иного, *антиномийного* ментального аппарата.

Вся эта сложно удерживаемая человеческим сознанием система мышления, представляющая собой одновременно его высшее достижение, оказалась цивилизацией не востребованной (в своей явной форме). Не была выстроена и соответствующая культурная и социальная инфраструктура, а, следовательно, не было реализовано и адекватное этой культурно-мировоззренческой парадигме поколение естественнонаучных и социогуманитарных технологий.

И вот уже в XX веке выясняется, что данное направление, несмотря на свою сложность, а возможно именно благодаря ей (ибо это не столько сложность, а инаковость, реальная же сложность – в ее восприятии и органичном усвоении), все-таки более перспективно, конкурентоспособно, *лучше приспособлено к открывающейся нам сегодня реальности*. И доказывают эту конкурентоспособность не только физика или математика (квантовая физика стала двигаться в сторону языка математики, поскольку другие способы описания с соответствующей задачей не могли справиться). Оказалось, что адекватный язык для описания приоткрывшейся социальной реальности у человечества также отсутствует. Приходилось прибегать к другим, упрощенным, формам сознания: к образности, метафариичности, *аналоговости*, но это уже другое, и к тому же уже отчасти знакомое – более архаичное, мифологичное – пространство мышления...

Социальная реальность вместо демонстрации поступательного роста суммы достижений (исходя из логики прогресса) стала демонстрировать сокрушительные провалы. Пределы компетенции цивилизации проявили себя в опыте Освенцима и ГУЛАГа – в богатом и многообразном опыте тоталитарных обществ XX века и в кризисах века XXI.

Что же получается? Где плоды той колоссальной культурной революции, когда христианское мировоззрение возвысило личность, как субъекта более значимого, чем благо государства, как гражданина Небесного града и вселенского отечества? Со временем мы наблюдаем регресс в понимании баланса общественного блага и суверенитета личности, возврат к античному взгляду на эту проблему: общественное благо, отечество начинают

вновь, как во времена Греции времен Антигоны, Карфагена и Рима, прочитываться как необходимость жертвы по отношению к государству. И на этой почве произрастает целое поколение социальных технологий, которые, частично, проявились в прошлом веке как технологии уничтожения личности, откровенного пренебрежения ею.

Суть тоталитаризма состоит именно в уничтожении личности, его основной оппонент – личность, основная цель – утопия, модель, иллюзорный социальный горизонт. Если личность устраняется, то пространство действия заполняется технологической суммой операций по обеспечению «мира и безопасности» в соответствии с тем или иным проектом. Процесс технологизации социального пространства, форм общежития и даже архитектуры человеческих отношений начинает модифицироваться стремительнейшим образом. Подобные «пакеты операций» – в которых некая безликая сущность, отчужденная социальная функция выполняет определенную сумму операций и по достижению определенного результата (с хорошей степенью формализации/отчетности) замирает в ожидании следующего пакета, – оказались востребованы временем.

Станным образом этот процесс совпадает с другим следствием творческого оскудения: мифом о научно технической революции, остановкой инновационного процесса, ощутимой с восьмидесятых годов прошлого века. И если анализировать истоки и субстанцию того кризиса, который разворачивается в глобальной экономике, то он связан именно с инновационным дефицитом. Но об этом мы уже неоднократно и подробно говорили...

Наметившейся кризис основ материальной жизни оказался весьма действенным рычагом, отрезвляющим средством, проблемой, которая заставила вести разговор о пределах компетенции современных технологических пакетов как их генетически неустранимом дефекте. Современная культура создала обширнейшее семейство эффективных, но механистичных, инструментальных технологий; однако существует и другое направление, связанное с растущей востребованностью нелинейных кодов мыследеятельности и соответствующего психо-технологического инструментария. Есть также технологии, – определим их как «деструктивный пакет», – которые имеют чрезвычайно оригинальный характер, но пусть это останется пока просто мнемоническим узелком, нежели информацией, – их мы оставим «за бортом» сегодняшнего разговора, дабы не переусложнять его.

Как начинают вести себя современные корпорации в новой среде? Если в начале разговора мы посчитали необходимым уяснить, что же такое технология, то сейчас следовало бы определить, что такое корпорации. Надеюсь, одна из тем будущего разговора будет посвящена именно этому предмету. А сейчас просто очертим релевантное настоящему разговору, расхожее, традиционное понимание корпорации – как совместной деятельности группы людей, объединенных определенной социокультурной, профессиональной оболочкой. Но одновременно отложим где-то «в уме», что и один человек, в принципе, может действовать «как корпорация». Однако в этом случае теряется некий важный, социальный аспект явления.

Здесь, пожалуй, появляется необходимость ввести еще одно, третье ключевое слово (после *персонализма* и *нелинейности*) – *энергичность*. Причем выступает оно, прежде всего, в своей синергетической ипостаси, т.е. как когерентное взаимодействие энергичных личностей, динамичных, сильных, но (внимание!) – не самодостаточных. Когда корпорация проявляет себя как группа сильных, но не самодостаточных личностей, то получается любопытный эффект: испытывая нужду в сотрудничестве, подобная синергичная (группо-

вая) персона производит непосильный ни для одной из них в отдельности эффект. При этом, каждая из соучаствующих в процессе личностей сохраняет и верит в уникальность собственной роли, своего места (ситуация отчасти напоминает мне знаменитый фильм «*Семь самураев*», или в американской, более известной версии – «*Великолепная семерка*»).

Подобный живой трансперсональный организм, выходя за пределы геометрии измеренного мира и переставая быть простой организационной машиной, позволяет опознать, транслировать и, отчасти, реконструировать здесь и сейчас некую иную реальность. И тут странные свойства апофатического богословия, которые ярко проявляются в персоналистичных отношениях с действительностью, оказывается ценнейшим ресурсом и радикальные «инновационные технологии» могут произрастать именно на этой основе. Когда слой затверженных имен и стереотипов снят...

Вместо единого центра – управляющая программа с локальной (ситуационной) актуализацией контрольных функций подсистем...

Но открывающиеся перспективы затемнены тем нехитрым обстоятельством, что попытки отыскать на планете яркую *амбициозную корпорацию*, способную предложить миру иной социальный язык и радикальное обновление исторического текста, пока что, так и не увенчались успехом. Однако время ее, судя по всему, наступило...

Давайте, наверное, на этом драматичном месте сделаем логическую паузу и перейдем на некоторое время к вопросам. А потом, может быть, вновь вернемся к основной теме разговора, погрузившись в обсуждение технологий несуществующего объекта.

ТЕКСТЫ АВТОРА ПО ТЕМЕ (READING):

1. *А.И. Неклесса. Ordo Quadro: четвертый порядок. Пришествие постсовременного мира // Полис. Политические исследования. – М., 2000, №6.*
2. *А.И. Неклесса. Глобальный Город: творение и разрушение // Новый мир. – М., 2001, №3.*
3. *А.И. Неклесса. Интеллект, элита и управление // Россия XXI. – М., 2002, №1.*
4. *А.И. Неклесса. Момент истины. Заметки на полях постсовременной истории // Дружба народов. – М., 2002, №4.*
5. *А.И. Неклесса. Внешняя политика нового мира: движение к нестационарной системе мировых связей // Pro et Contra. – М.: Фонд Карнеги за международный мир, 2002, т.7, №4.*
6. *А.И. Неклесса. Трансмутация истории. 11 сентября 2001 года в исторической перспективе и ретроспективе // Новый мир. – М., 2002, №9.*
7. *А.И. Неклесса. Четвертый Рим. Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Российские стратегические исследования. – М.: Логос, 2002.*
8. *А.И. Неклесса. Стратегическая симфония // Экономические стратегии. – М., 2003, №2-4.*
9. *А.И. Неклесса, П.Г. Щедровицкий. Инновационная Россия // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2003, №5.*
10. *А.И. Неклесса. Стратегия и современность. – М.: Университетская корпорация «Школа культурной политики», 2003.*
11. *А.И. Неклесса. Глобальная трансформация: сущность, генезис, прогноз // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 2004, №1.*
12. *А.И. Неклесса. Постиндустриальный передел России // Россия XXI. – М., 2004, №2.*
13. *А.И. Неклесса. Ordo quartus, или Люди воздуха // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2004, №3.*
14. *А.И. Неклесса. Капитал: новое прочтение // СоОбщение. – М., 2004, №5.*

ВЫПУСКИ АВТОРСКОЙ СЕРИИ «СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ» ВЫХОДЯТ ЕЖЕКВАРТАЛЬНО, ЯВЛЯЯСЬ РАБОЧИМИ МАТЕРИАЛАМИ ПРОЕКТА «ИНТЕЛПРОС».

РАНЕЕ БЫЛИ ИЗДАНЫ:

- **А.И. Неклесса. Трансграничье, его ландшафты и обитатели / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.1 (лето 2002 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2002.**
 - **А.И. Неклесса. Стратегическая матрица / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.2 (осень 2002 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2002.**
 - **А.И. Неклесса. Господин воздуха / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.3 (зима 2002/2003 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003.**
 - **А.И. Неклесса. Управляемый хаос / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.4 (весна 2003 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003.**
 - **А.И. Неклесса. Механика глобальной трансформации / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.5 (лето 2003 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003.**
 - **А.И. Неклесса. Амбициозная корпорация / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.6 (осень 2003 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003.**
 - **А.И. Неклесса. Новая земля и новое небо / Научный Совет РАН «История мировой культуры». Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.7 (зима 2003/2004). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2004.**
 - **А.И. Неклесса. «Новый класс», или кто строит мир? / Научный Совет РАН «История мировой культуры». Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.8 (весна 2004). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2004.**
-